Ю. М. Иванов

К ИСТОРИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ РОССИИ. КОНЕЦ XIX ВЕКА - НАЧАЛО XXI ВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

ГЛАВА 2-я
ОТ ПОПЫТОК ШТУРМОВАТЬ НЕБО К ЗЕМНЫМ ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИМ ЗАБОТАМ

Москва
2004

Первая глава под названием “На пути свержения царизма” написана мною совместно с покойным С. В. Прониным - крупнейшим знатоком потребительской кооперации и блестящим специалистом, тщательно изучившим все аспекты политики коммунистической партии и особенно ее взаимоотношения с рабочими. Мы вместе собирались разрабатывать проблему сравнительного анализа истории фабрично-заводских рабочих европейской территории Российской федерации. К сожалению, теперь эту работу мне приходится делать одному, что, несомненно, усложняет решение поставленной задачи.

Подписано в печать 27.09.2004 г.
Формат 60x90 1/16. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 3,75. Тираж 250 экз. Заказ № 70.

Отпечатано в типографии «Карпов».
109004, г. Москва, ул. Большая Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел./факс: 911-66-92

ОТ ПОПЫТОК ШТУРМОВАТЬ НЕБО К ЗЕМНЫМ ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИМ ЗАБОТАМ

"Простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего “естественного начальства” - на привилегию управления".

К. Маркс о Парижской коммуне

Величие Февральской революции заключается не в том, что, уничтожив самодержавие, она стала прологом прихода к власти большевиков, пытавшихся доконать рынок во имя создания единой всероссийской фабрики, а в том, что, опираясь на поддержку крестьян в солдатских мундирах, ее совершили фабрично-заводские рабочие, стремившиеся сами управлять производством, навязывая свою волю управленческому персоналу.

Фабрично-заводские рабочие составляли основной костяк стихийно развивавшегося революционного движения, сметавшего прогнивший самодержавный режим. По мере нарастания движения возрождались фабрично-заводские комитеты, создавшие после победы революции советы рабочих и солдатских депутатов, которые сразу же становились материальной опорой революционной власти, опиравшейся на вооруженные силы рабочих дружин и примкнувших к ним крестьян в солдатских шинелях.

Эти советы отличались от тех, которые возникли в 1905 году, не только тем, что их поддержала армия. В советах 1905 года подавляющее большинство принадлежало представителям фабрично-заводских комитетов, согласовывавших свои совместные действия в борьбе против общего врага - самодержавия - и поддерживавших его заводоуправлений, что не исключало того, что советы сплошь да рядом возглавляли представители рабочих, примыкавшие к партиям, боровшимся против царизма.

Иное дело советы 1917 г., где представители фабрично-заводских рабочих сразу же оказались в меньшинстве, поскольку руководство советами узурпировали руководители партий меньшевиков и эсеров. “Днем 27 февраля сотни вооруженных солдат и рабочих заполнили здание Таврического дворца, - пишут И. П. Лейберов и С. Д. Рудаченко. В 2-3 часа дня члены думских фракций меньшевиков и трудовиков, рабочей группы ЦВПК (Центрального военно-промышленного комитета) и т. д. образовали в Таврическом дворце Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов... Председателем исполкома был избран Н. С.

Чхеидзе (меньшевик), товарищами председателя - А. Ф. Керенский (трудовик) и М. И. Скобелев (меньшевик). Временный исполком спешно выпустил воззвание к рабочим и солдатам о проведении выборов в Совет рабочих депутатов". [1] Заметим, что до Октябрьской революции всеобщие выборы в советы так и не проводились.

На его первом заседании, прошедшем в этот же день в 9 часов вечера, оказалось менее 40-50 представителей фабрик и заводов. Общее же количество, объявивших себя депутатами не превышало 125-150 чел.[2] В дальнейшем доля представителей фабрично-заводских комитетов неуклонно сокращалась в связи с увеличением числа депутатов за счет представителей партий, а также армии и Всероссийского совета крестьянских депутатов, созданного по инициативе Московского кооперативного съезда, выражавшего общественные настроения заинтересованной в торговле с заграницей имущей части деревни.[3]

Порожденная фабрично-заводскими рабочими советская форма власти стала примером для подражания широких крестьянских масс, объединявшихся в советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Там же, где фабрично-заводских рабочих и их советов не было, в армейских подразделениях и аграрных районах, возникали избираемые снизу доверху комитеты, с которыми все были вынуждены считаться.

Требования всесильных тогда фабрично-заводских рабочих и примкнувших к ним солдат был вынужден учесть в тексте обращения "К гражданам" Временный комитет Государственной Думы. В обращении излагалась ближайшая программа временного правительства. В нем указывалось: "1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих, допускаемых военно-техническими условиями. 3) Отмена всех сословных и национальных ограничений. 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного

[1] Лейберов И. П.,Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 94.
[2] Там же.
[3] См. Ленин В. И. Съезд крестьянских депутатов. Т. 31. С.272..; Кооперация. Страницы истории. Т. 1. Книга первая. М., 1999.

голосования. 7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам". В результате из всех воюющих стран Россия стала самой свободной. Не располагая вооруженной силой, временное правительство было не в состоянии совершать насилие в отношении масс.

Временное правительство было вынуждено удовлетворить и другое требование фабрично-заводских рабочих: законом от 23 апреля 1917 г. оно легализовало существование фабрично-заводских комитетов без проведения в них перевыборов. Эпицентром их формирования, как и в прошлом, был Петроград, превращавшийся во всероссийский центр фабзавкомовского движения.

Создававшиеся фабзавкомы причудливо сочетали функции профсоюзов, решая в интересах рабочих вопросы увольнения и найма, расценок, снабжения продовольствием и т. д. с функциями хозяев предприятий, навязывавших свою волю управленческому персоналу. "Первой проблемой, которую разрешали заводские комитеты, было удаление представителей старой администрации, которые вызывали особое недовольство со стороны рабочих. Это относилось к начальникам цехов, мастерам и инструкторам ("указателям", как называли их на петроградских судостроительных заводах). На общецеховых собраниях выдвигались требования о смещении со своих должностей мастеров и "указателей", а заводской комитет утверждал эти решения. Практиковался перевод на должность мастерового, перевод на другие работы, увольнение вовсе с завода. Администрация пыталась, как это видно из протоколов, в ряде случаев противодействовать решениям заводских комитетов, посылая скомпрометированных лиц в длительные командировки за счет завода и выплачивая им содержание по прежней должности. Поэтому процесс смены нежелательных представителей низшей администрации растянулся до конца апреля-начала мая".[4] В условиях революционного подъема, обусловленного победой Февральской революции, возглавляемые директорами заводоуправления были бессильны сопротивляться проведению в жизнь решений фабрично-заводских комитетов.

Вместе с тем на разных предприятиях отношения фабзавкомов с заводоуправлениями складывались по-разному, начиная от сохранения

[4] Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 25.

части административного персонала и кончая его полным изгнанием. В частности, на заседании представителей артиллерийских заводов отмечалось, что "положение на разных заводах неопределенное. На некоторых администрация смещена и заменена выборной, на других заводах заводоуправление смешанное и представители администрации входят в состав правления вместе с представителями рабочих, есть и такие заводы, где удалена только часть администрации, почему-либо не пользующаяся доверием рабочих. Как желательная форма заводоуправления признано заводоуправление смешанное, когда рабочие могут контролировать деятельность правления (Трубочный завод)".[5] Конечно, были случаи анархизма, когда старый управленческий персонал фабрик и заводов полностью изгонялся. Однако в целом ведущей тенденцией было, так или иначе, использование последнего под действенным контролем рабочих.

В той мере, в какой фабзавкомы управляли предприятиями, их организационная структура в отличие от фабзавкомов 1905 года претерпевала изменения. Так фабзавком Арсенала Петра Великого с 1-го мая поделился " на 3 секции по 4-5 чел. в каждой: административную, техническую и хозяйственную... Расценки, прием, увольнение рабочих и мастеровых, установление рабочих и праздничных дней - все это принадлежало ведению административной секции, выяснение запасов топлива и материала - хозяйственной, а отношения с административно-технической частью - технической".[6]

Что же касается заводских цехов, то здесь административная власть была сосредоточена в руках внутризаводских комитетов, представлявших собой подразделения заводского комитета. Они контролировали деятельность мастеров и техников. Таким образом, фабрично-заводские комитеты имели стройную организацию, приспособленную к управлению производством в условиях революции и развала экономики, вызванного войной.

Решая вопросы управления, фабрично-заводские комитеты занимались, прежде всего, улучшением положения рабочих. Вот что, например, писал в 1922 г. пробольшевистски настроенный тогда С. Г. Струмилин: "В первые дни после революции, когда рабочие почувствовали себя, наконец, господами положения, они немедленно же захотели реализовать свою победу облегчением условий своего каторжного труда. Одним из первых требований было требование

---

[5] Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г. Протоколы. М. 1982.С. 33.

[6] Там же. С. 15.

уменьшения скорости движения некоторых исполнительных механизмов на 10-20%. Далее в той же пропорции был сокращен рабочий день, уничтожены сдельные расценки, повышающие интенсивность повременного труда раза в два или около того. Авторитет хозяев и их ближайших приспешников из числа администрации пал до минимума. Инженеров и мастеров то и дело выкатывали из заводов и сопровождали в мусорные ямы".[7]

С такой же "симпатией" к управленческой деятельности фабзавкомов, "почувствовавших себя господами положения", относился и стоявший на противоположном политическом фланге С. Н. Прокопович, который в июне 1917 г. писал, что "заработная плата была повышена в большинстве отраслей промышленности на 100 и более процентов (однако из-за инфляции она оставалась ниже довоенной - Ю. И.). Но рост заработной платы на этом не остановился; она продолжала расти бешеным темпом и в следующие месяцы без всякой связи с производительностью труда и валовой выручкой промышленных предприятий".[8]

Самое замечательное, что, несмотря на подобные причитания по поводу деятельности фабзавкомов, объем производства в действительности возрастал. В обстановке анархии, порожденной головокружительной погоней акционерного капитала за прибылью, при бессилии покончить с анархией пережившей царизм бюрократии, повязанной этим же капиталом, фабзавкомы были единственными организациями, способными хоть как-то удерживать производство на плаву.

Об этом хорошо позднее сказал Максимов уже в то время, когда, придя к власти, большевики обвиняли отстаивавших независимость от них фабзавкомов во всех смертных грехах. Фабрично-заводские комитеты, - говорил он, - "спасли революцию, благодаря их энергичной работе, благодаря проявлению ими инициативы, заставили фабрикантов вести производство, заставили, чтобы рабочие не могли быть выброшены за борт фабрик и заводов, заставили их налаживать производство, а в тех случаях, где фабриканты и заводчики отказывались вести производство, комитеты сами налаживали производство".[9]

---

[7] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 67.

[8] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 259.

[9] Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22-27. I. 1918. Протоколы и материалы. Составил проф. Е. Цудзи. Спб., 2002. С. 110.

Тот факт, что сосредоточенное в Петрограде военное производство не останавливалось из-за неуемных попыток заводоуправлений и владельцев акционерного капитала, а позднее и большевиков, закрывавших заводы с целью избавления от неуправляемых рабочих, тот факт, что оно сохранилось к началу интервенции и гражданской войны, историческая заслуга принадлежит фабрично-заводским рабочим. В критические моменты истории ход событий определяется степенью участия в них масс.

Чтобы не быть голословными, достаточно привести доклад о конференции казенных заводов, записанный в протоколе заседания фабзавкома Арсенала Петра Великого. "Доклады с мест выясняют, что производительность заводов, на которых не чувствуется недостатка в материалах и топливе, начинает повышаться. На Орудийном заводе на 28% (захватным путем проведено увеличение заработной платы, за время болезни до двух третьих заработка), в Оптическом на 11%; Сестрорецкий оружейный завод вместо 4500 взрывателей дает 600 винтовок и 6000 взрывателей, захватным путем рабочие доставали некоторые материалы и топливо, в которых чувствовался недостаток; Охтинский пороховой завод вместо прежних 800 пудов в сутки при 35% брака, теперь дает 900 пудов при 15%; Трубочный завод работает нормально, был недостаток нефти, но заводским рабочим комитетом были приняты меры, и в результате нашли на Петровском острове зарытую в землю цистерну в 15 тыс. пудов; удален был прежний браковщик и начальник говорил рабочим, что без него будет задержка в работе, оказалось, что без него нет браку, все дистанционные трубки выдержали испытания. На многих из учреждений ГАУ (Главного артиллерийского управления) масса разнородных металлов валяются без употребления в то время, когда на других недостаток в них (в артиллерийском складе, в складе огнеупорных припасов, на Главном артиллерийском полигоне залежи металла достигают сотен тысяч пудов и ГАУ не принимает никаких мер)".10

Фабрично-заводские рабочие были непосредственно заинтересованы в работе своих предприятий - единственном источнике средств их жизни в городах, что требовало, так или иначе, использования работников управленческого персонала. Они делали все от них зависящее, чтобы заводы продолжали работать в обстановке разрухи, порожденной войной. Когда же раздавались сетования на то, что заработная плата растет "без всякой связи с валовой выручкой", что уменьшилась вдвое "интенсивность ручного труда" и т. д., то в действительности здесь речь шла не просто о падении производительности труда вообще, а о падении нормы прибавочной стоимости. Именно последняя составляла подоплеку партийных столкновений, порожденных управленческой деятельностью фабзавкомов, в спорах о роли и месте которых принимали участие также большевики.

В этой связи особый интерес представляют взгляды Ленина - ведущего марксистского руководителя и идеолога директората коммунистической формации, стремившегося уничтожить индивидуальный капитал. Добиваясь ликвидации рынка с целью огосударствления производства в масштабе всей страны, Ленин исходил из того, что "чистый капитализм есть товарное производство"[11], что его "исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев".[12] Выражая объективно интересы управленческого класса - класса, существующего за счет прибавочной стоимости, он оправдано полагал, что рабочие неспособны управлять производством таким образом, чтобы целью последнего была его максимизация и, следовательно, максимизация производства этой стоимости.

Поэтому он предлагал в процессе огосударствления передать учет и контроль за производством и распределением не "бесхозяйственным пролетариям", создавшим фабзавкомы, а другим, в том числе рожденным революцией организациям, подразумевая, что в конечном счете ими будут руководить большевики. "Советам совершенно достаточно будет, - писал он, - наказывать уклоняющихся от подробнейшего учета или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо через банки раз они национализированы, через союзы служащих, через почту, через потребительские общества, контроль и учет станут универсальны, всесильны, вездесущи, непреоборимы".[13]

Важно и то, что когда Ленин говорил о рабочем контроле, о контроле пролетариата, то термин пролетариат толковался преднамеренно расширительно, ибо как он утверждал, большинство служащих находится в пролетарском или полупролетарском положении. В частности, в этой связи он писал: "Этот "государственный аппарат" (который является не

---

[10] Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1982. С. 59.

[11] Ленин В. И. Введение социализма или раскрытие казнокрадства? Т. 32. С.318-319.

[12] Ленин В. И. К пересмотру партийной программы. Т. 34. С. 357. XXI.

[13] Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной. Т. 34. С. 224.

вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем "взять" и "привести в движение" одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие,* большинство которых сами находятся в пролетарском и полупролетарском положении".[14] Фактически здесь речь шла о передаче контроля над производством отнюдь не рабочим, а управленческому персоналу.

Говоря о выгодах, которые получат трудящиеся низы от намечаемых большевиками преобразований, Ленин в брошюре "Материалы по пересмотру партийной программы" (речь идет о пересмотре программы-минимум) не скупился на обещания им молочных рек и кисельных берегов. Эти обещания оказались невыполненными ни при его жизни, ни после его смерти. Подобные никогда невыполненные обещания вообще характерны для приходивших к власти коммунистических партий как на Западе, так и на Востоке, с завидным упорством утверждавших, что трудности при их поразительной перманентности временны, что, несмотря на бедность рабочих и крестьян, порожденный коммунистами общественный строй является самым идеальным в мире. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитый лозунг "банды четырех" в КНР - "лучше бедный социализм и коммунизм, чем богатый капитализм",[15] лозунг до сих пор созвучный настроениям коммунистов всех стран. Под этим же углом зрения строилась коммунистическая пропаганда и в Западной Европе, в частности, в ГДР, население которой с завистью взирало на экономические достижения "капиталистической" ФРГ.

Среди предлагавшихся Лениным мер, например, были такие: "все должностные лица становятся выборными не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства избирателей"; "замена полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа"; "неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов"; "ограничение рабочего дня для всех наемных рабочих - восемью часами в сутки"; "полное запрещение сверхурочных работ"; "воспрещение предпринимателям пользоваться трудом детей в дошкольном возрасте (до 16 лет), ограничение рабочего времени молодых людей (16-20 лет) четырьмя часами и воспрещение им работы по ночам в опасных для здоровья производствах и рудниках";

[14] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Т. 34. С.307-308.

[15] Цит. по: Сяопин Дэн Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1980. С. 219.

"Воспрещение женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; воспрещение женского ночного труда"; " полное социальное страхование рабочих... для всех видов потерь трудоспособности"; "учреждение выборной от рабочих организаций инспекции труда и распространение ее на все виды предприятий, употребляющих наемный труд, не исключая и домашней прислуги" и т. д.[16]

Среди этих предложений мы видим никогда не выполненные не только экономические, но и политические требования, предусматривавшие демократические свободы, включая "неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и союзов", о которых говорил Ленин. И это не случайно. Пока коммунистические партии борются за утверждение своей собственной безраздельной власти, они постоянно ратуют за запредельную демократизацию общества с тем, чтобы расчистить путь для безраздельного овладения государственной машиной.

Так было при Ленине, так было и в последующие десятилетия, в частности, когда Сталин после окончания второй мировой войны призывал коммунистов Западной Европы быть в авангарде борьбы за мир и демократию. "Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт, - говорил он, характеризуя "антинародную деятельность буржуазии". Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа... если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации".[17] Сегодня мы знаем, что происходило с так называемыми "буржуазно-демократическими свободами", когда в Восточной Европе коммунисты становились "руководящей силой нации".

К моменту разгрома фашизма стремление к демократии переполняло настроение населения Европы. Это хорошо передал великий Ремарк. Герой его романа - заключенный гитлеровского концлагеря, участвовавший в антифашистском подполье социал-демократ, для которого неприемлемы ни коммунисты, ни нацисты из-за того, "что звучит, как он говорил, ужасно напыщенно и смешно", хочется "человечности, терпимости и права каждого на собственное мнение".[18] Сталин учитывал эти настроения, чтобы, придя к власти, коммунисты

[16] См. Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы. Т. 32.

[17] Правда 15 октября 1952.

[18] Ремарк Эрих Мария Искра жизни. М., 2003. С. 333.

имели возможность растоптать, прежде всего "человечность, терпимость и право каждого на собственное мнение".

Среди демократических прав, которые еще до Октябрьского переворота добивались ликвидировать большевики, было прежде всего право рабочих на забастовки. Об этом, в частности, свидетельствует выступление 15 октября 1917 г. М. Томского на делегатском собрании союза металлистов. "Вопрос о признании прав заводских комитетов, - указывал он, - вследствие известного циркуляра министра Скобелева вызвал целый ряд конфликтов на фабриках и заводах, угрожавших принять нежелательный характер... Рабочий класс как наиболее страдающий от разрухи и голодовки, особенно заинтересован в сохранении производства и поднятии производительности... Обычные формы борьбы за улучшение экономического положения рабочих и за осуществление принципиальных требований правового характера, вроде общих и частичных забастовок в отдельных отраслях промышленности, явились явно несоответствующими моменту, ибо грозили окончательно дезорганизовать и без того расстроенное хозяйство".[19]

Таким образом, по М. Томскому, получается, что не сами рабочие были заинтересованы в проведении забастовок, а коварные меньшевики вроде Скобелева, которые стремились "окончательно дезорганизовать и без того расстроенное производство". Кичившийся защитой интересов пролетариата М. Томский, по-видимому, принадлежал к числу тех, кто еще до Октябрьского переворота был приверженцем основного лейтмотива коммунистической пропаганды о том, что забастовки лишь результат происков контрреволюционеров.

С целью предотвращения забастовок, лишавшего рабочих их неотъемлемого права проводить стачки, большевиками принимали самые энергичные меры. По их настоянию 2 ноября Центральный Совет ФЗК подписал общее с Петроградским советом Р и СД и Петроградским Советом профсоюзов воззвание ко всем рабочим Петрограда: "Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем встать на работу и производить в полном порядке".[20]

Показательно и то, что после Октябрьского переворота публикация декрета о фабзавкомах затянулась на неделю из-за того, что представители фабзавкомов не могли договориться с большевистским

[19] Томский М. Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 6-7.
[20] Октябрьская революция и фабзавкомы. материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. Октябрь. М., 1929. 2-е издание. Токио, 2001. С. 17.

руководством. Представители фабзавкомов полагали, что фабзавкомы должны превратиться в *единственные организации, управляющие экономической жизнью страны*. По их мнению "рабочий контроль должен был осуществляться, с одной стороны, внутри отдельного предприятия через фабрично-заводской комитет, а с другой - во всероссийском масштабе через Всероссийский совет рабочего контроля, в который вошли бы представители региональных советов рабочего контроля. В советы должны входить делегаты от фабрично-заводских комитетов".[21]

Руководство же большевистской партии стремилось лишить фабзавкомы всех атрибутов, завоеванных в ходе революции, оттеснив их на задворки экономической жизни, что в конце концов было зафиксировано декретом совнаркома от 14 ноября 1917 г., подписанным Лениным и А. Шляпниковым, согласно которому фабрично-заводские комитеты не могли самостоятельно осуществлять контроль над производством и распределением продукции, смещать администрацию и не выполнять ее текущих распоряжений.

Хотя в декрете указывалось, что "рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п.", однако при этом оговаривалось, что для каждого крупного города, губернии или промышленного района создается местный Совет рабочего контроля, который, будучи органом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, составляется из представителей профессиональных Союзов, заводских, фабричных и иных рабочих комитетов и рабочих кооперативов".[22] Естественно, что "заводские, фабричные комитеты, советы старост и пр." обязаны были подчиняться решениям местных советов рабочего контроля.

Еще меньшая роль фабрично-заводских комитетов была уготована положением этого же декрета о создании Всероссийского совета рабочего контроля. В декрете говорилось: "Впредь до съезда Советов Рабочего контроля учреждается в Петрограде Всероссийский Совет Рабочего контроля, в состав которого входят представители от следующих организаций: Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов - 5; Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов - 5;

[21] См: Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV... С. V.
[22] Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. Октябрь. М., 1929. С. 87.

Всероссийского Совета профессиональных союзов - 5; Всероссийского центра Рабочей кооперации - 2; Всероссийского Бюро фабрично-заводских комитетов - 5; Всероссийского Союза инженеров и техников - 5; Всероссийского Союза агрономов - 2".[23] В результате фабзавкомы оказались в ничтожном меньшинстве среди множества организаций, принимавших под руководством Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов участие в решении вопросов организации производства и распределения продукции.

Стремясь еще больше ограничить функции фабзавкомов, большевики добивались их превращения в подразделения огосударствленных профсоюзов. В частности в резолюции, принятой первым Всероссийским съездом профсоюзов по докладу А. Лозовского, подчеркивалось, что "профессиональные союзы, организованные по производствам, должны войти в создаваемые на местах и в центре органы рабочего контроля, беря на себя задачи его *идейного и организационного руководства* (курсив наш - Ю. И.). Профессиональные союзы должны рассматривать каждое постановление фабрично-заводских комитетов в области контроля, разъяснять своим делегатам на заводах и фабриках, что контроль над производством не означает перехода предприятия в руки рабочих данного предприятия, что рабочий контроль не равносилен социализации производства и обмена, а является подготовительным шагом к ней".[24]

На этом же съезде массовое участие фабрично-заводских рабочих в осуществлении контроля над администрацией было ограничено постановлением о том, что "рабочие и служащие, не входящие в состав контрольной комиссии, могут входить в сношения с администрацией по поводу контроля только по прямому поручению и с предварительного разрешения контрольной комиссии".[25]

Вот как, например, представлял в то время "идейное и организационное руководство профсоюзов" все тот же М. Томский, который говорил: "Вопрос о роли фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов и их взаимоотношениях может и должен разрешен лишь в одном направлении: фабрично-заводские комитеты должны стать ячейками профессионального союза на местах... Члены заводских комитетов должны в то же время быть и делегатами союза в данной отрасли производства или, наоборот, делегаты союза должны входить в заводской комитет. Лишь в общерайонных контрольно-регулирующих центрах руководство от профессиональных союзов

[23] Там же.
[24] Цит. по: Октябрьская революция и фабзавкомы... С. 140.
[25] Профсоюзы СССР. Т.II. М., 1963. С. 92.

переходит к смешенной организации, состоящей из представителей *государства* (курсив наш - Ю. И.), в лице советской власти".[26]

Указанные решения имели дальний прицел - полностью устранить фабзавкомы от самостоятельного управления производством. Позднее, в марте 1919 г., ведущая роль огосударствленных профсоюзов была зафиксирована в программе РКП(б). В программе, в частности, говорилось: "профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым... Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства".[27] Ленин в это время лукаво убеждал Ю. Ларина в том, что профсоюзы действительно "*управляют* производством".[28]

Однако не прошло и двух лет, как появились новые песни. К этому времени РКП(б) лишилась более 10 тыс. рабочих, добровольно покинувших ее в знак протеста против политики военного коммунизма. В ходе дискуссии о профсоюзах, развернувшейся в 1920 г. рабочая оппозиция требовала подчинить государственные органы профсоюзам, установить производственную демократию и передать управление всем народным хозяйством съезду производителей, объединенных в профессиональные и производственные профсоюзы. Фактически рабочая оппозиция ставила вопрос о реальной передаче управления народным хозяйством в руки самих рабочих, против чего решительно выступало большинство членов партии во главе с Лениным. Теперь Ленин без недомолвок доказывал, что рабочие *не умеют* (курсив наш - Ю. И.) управлять производством, что "рабочие и крестьяне понимают, что им самим еще надо научиться управлять",[29] что профсоюзы не могут быть органами управления производством, что они лишь "*суть школа*

[26] Томский М. Избранные статьи и речи... С. 16.
[27] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I 1898-1925. М., 1936. С. 299.
[28] Ленин В. И. Письмо Ларину. Т. 50. С. 132.
[29] Ленин В. И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов 25 января. Т. 42. С. 246..

объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления".[30]

По Ленину, отстаивавшему принципы единоначалия директората в управлении народным хозяйством, "хозяйничанье" профсоюзов должно ограничиваться решением таких карикатурно "важных" задач как распределение натурпремий и организация дисциплинарных судов. "Натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды, - говорил он, - во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о "производственной демократии", о "сращивании" и т. п.".[31] В свете подобных заявлений ясно видно, что прошлые большевистские декларации о передаче управления профсоюзам были лишь временной мерой, используемой для перехода от фабзавкомовских форм управления производством к созданному большевиками государственному управленческому аппарату, базировавшемуся на единоначалии.

Фактически решающее участие фабрично-заводских рабочих в управлении производством противоречило основным большевистским принципам. Поэтому самостоятельные фабзавкомы после прихода к власти большевиков сразу же превратились во враждебные этим принципам организации, с существованием которых они были вынуждены какое-то время считаться. Немедленно после революции распустить фабзавкомы было нельзя. Они располагали отрядами красной гвардии, которых поддерживали участвовавшие в революции подразделения армии и флота.

После принятия в ноябре 1918 г. декрета о фабзавкомах они еще по инерции какое-то время продолжали активно вмешиваться в экономическую жизнь. "Рабочие брали фабрики и заводы в свои руки, чтобы сохранить рабочие места, и фактически объявили войну владельцам, стремившимся закрыть убыточные в мирное время предприятия. Эта стихийная национализация, проведенная по инициативе низов (т. е. без ведома партии, Советов, Совнархоза или профсоюзов), была мероприятием, направленным против советской политики сокращения военной промышленности". [32] При этом ЦС ФЗК оказывал им поддержку в поисках заказов, финансов, сырья и топлива.

[30] Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. Т. 42. С. 292.
[31] Там же. С. 280.
[32] См: Октябрьская революция и фабзавкомы... часть IV. С. VIII.

Но не прошло и полгода как фабзавкомы, по мере своего превращения в ячейки профсоюзов, растеряли свои связи с рабочими. Благодаря хитроумной политике властей предприятия под предлогом перехода на мирную продукцию в то время, когда враг действительно стоял у ворот, в массовом порядке объявлялись закрытыми, рабочие уволенными. Единственно за кем сохранялась зарплата, были члены послушных фабзавкомов. Большевики стремились как можно скорее избавиться от неуправляемых, отстаивавших собственные интересы питерских рабочих. С этой целью в марте 1918 г. "Совет коммуны Петрограда постановил выдать 36-недельное содержание только тем рабочим, которые вынуждены остановить производство по семейным или по личным обстоятельствам. Всем остальным выдается содержание по последний день работы из требуемого 6-недельного пособия".[33]

В результате увольнений "от занятых на 1 января 1917 г. к концу года осталось 80%. К 1 апреля 1918 г. - едва 40%, к 1 июля - 30%. Таким образом, за полтора года в Петроградской губернии было выброшено на улицу круглым счетом не менее 300 тыс. фабрично-заводских рабочих".[34]

Еще быстрее были перерезаны связи фабзавкомов с красногвардейцами, которые первоначально сочетали свои военные обязанности с работой на фабриках и заводах, где они получали зарплату. В конце ноября в столицах и других промышленных городах были созданы центральные штабы Красной Гвардии, а в Петрограде - Главный штаб. Теперь уже не фабзавкомы и их организации, а центральные штабы осуществляли непосредственное руководство боевой деятельностью, переведенных на казарменное положение красногвардейцев, ведали организацией караульной и гарнизонной службы, снабжением оружием, средствами передвижения и различными видами довольствия. Они же формировали летучие и экспедиционные отряды, решавшие в городах и за их пределами задачи, поставленные большевиками.

К этому времени изменился и социальный состав красногвардейских отрядов. Из горожан в них осталась в основном молодежь до 22 лет (в Москве на ее долю приходилось 30% состава, в Петрограде - 40%), еще толком не успевшая поработать на фабриках и заводах. Остальные были главным образом добровольцы из утративших связи с деревней солдат, унтер-офицеров и офицеров, выдвигавшихся большевиками на командные должности.[35] В итоге красногвардейские отряды утратили

[33] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 183.
[34] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 11.
[35] См: Конев А. М. Красная Гвардия на защите Октября. М., 1989. С. 40, 81-82.

пролетарский характер. Их социальный состав стал определяться полудеклассированной осевшей в городе молодежью и зачисленными на добровольной основе деклассированными крестьянами в армейских шинелях. После декрета 28(15) января о создании Красной Армии в марте-апреле 1918 г. красногвардейские отряды были объявлены распущенными, а их участникам было предложено подавать в индивидуальном порядке заявления о добровольном зачислении в Красную Армию.

В этих условиях судьба фабзавкомов, оказавшихся без связей с рабочими массами и красногвардейцами, была предопределена - к концу 1918 г. они окончательно превратились в низовые ячейки огосударствленных профсоюзов.

Цели фабрично-заводских рабочих и обладавших властными полномочиями большевиков были разные. Рабочие, поверившие накануне Октября широковещательным большевистским обещаниям, полагали, что революция избавит их от страданий голода и нищеты; большевики же считали, что они обязаны больше трудиться на огосударствляемых фабриках и заводах в условиях снижения издержек, затрачиваемых на их содержание. В связи с этим всякая остановка работы, всякая забастовка клеймилась большевиками как предательство делу пролетарской революции. "Правда" "объявляла всех рабочих, останавливающих работу предприятий при настоящих условиях, отщепенцами рабочего движения".[36]

Непрекращавшиеся забастовки вынудили Ленина уже в сентябре 1918 г. гневно заявить, что горстки, группы, слои рабочих "упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать "ему" работы поменьше и похуже - содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д.?".[37] А ведь как раз эти "мерзавцы" - наборщики советских типографий, сормовские, путиловские и т. д. рабочие явились той материальной силой, которая привела к власти большевиков в условиях разрухи, порожденной проигранной войной. Фактически Ленин призывал рабочих "не думать об улучшении" своего положения, крепить трудовую дисциплину и проявлять "рвение в труде".[38]

[36] Правда. 2 июля 1918 г.
[37] Ленин В. И. О характере наших газет Т. 37. С. 90-91.
[38] Ленин В. И. Т. Две речи, записанные на граммофонных пластинках. 2. О трудовой дисциплине. Т. 40. С. 90-91.

Как утверждали в это время приверженцы идеалов военного коммунизма, например, Н. И. Бухарин, "*заработная плата* становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает *наемный труд* ... От заработной платы сохраняется лишь внешняя шелуха - денежная форма, которая тоже идет к самоуничтожению вместе с денежной системой. При системе пролетарской диктатуры, заявлял он, "рабочий" получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату. Равным образом исчезает и категория прибыли, равно как и категория прибавочной ценности".[39]

Но с появлением "общественно-трудового пайка", вместо превращавшейся во "внешнюю шелуху" зарплаты, характер производственных отношений коренным образом изменялся - вместо свободного найма возникали отработки, которые до этого были наиболее характерной чертой феодализма. Ленин был прав, когда до революции писал: "Отработки - хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил у помещика".[40] Сказанное отнюдь не означает, что в годы военного коммунизма начался ренессанс феодализма. Отработки, возникшие на базе "общественно-трудового пайка" имели совершенно иную социально-экономическую природу - они появились на потребу всероссийской единой фабрики, породив, как это всегда бывает при отработках, внеэкономическое принуждение в виде государственной трудовой повинности и прикрепления рабочих к фабрикам и заводам, на которых они трудились.

Необходимость использования внеэкономического принуждения в отношении рабочего класса вообще и его наиболее общественно-активного ядра - фабрично-заводских рабочих в особенности, большевистские теоретики военного коммунизма объясняли тем, что "сравнительно широкие круги рабочего класса носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежна *принудительная дисциплина*... Отсюда следовало и то, что "одной из главных принудительных форм нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение "свободы труда"... Ибо

[39] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть I. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 135.
[40] Ленин В. И. Т. Перлы народнического прожектерства. Т. 2. С. 495.

последняя не мирится с правильно организованным “плановым” хозяйством и таким же распределением рабочих сил”.[41]

Именно на этой почве углублялись противоречия между фабрично-заводскими рабочими, отстаивавшими право на свободный наемный труд, и большевиками, добивавшимися его ликвидации. В сущности, эти противоречия и были подоплекой наполненной политической трескотней борьбы по поводу создания “однородного социалистического правительства”. Стремясь ликвидировать многоголосие рынка с его свободной продажей рабочей силы и сопутствующей ему многоголосием предложений и спроса, руководители большевиков сразу же взяли курс на ликвидацию инакомыслия во властных структурах, призванных возглавить всероссийскую единую фабрику с ее диктатом единых условий принудительного труда, что привело к временному расколу в их собственных рядах. Многие члены партии на всех уровнях, включая членов ЦК и Совнаркома, продолжали наивно верить в то, что партия отстаивает прежде всего интересы фабрично-заводских рабочих и ее приход к власти совместим с пропагандировавшимся до этого большевиками существованием демократических свобод. Они безуспешно добивались создания “однородного социалистического правительства”. Впоследствии большинство из них сложило жизнь на плахе большевистской гильотины, так и не дождавшись наступления всеобщего счастья, которое декларировали большевики.

Уже в июне 1918 г. известный принцип большевиков о единстве в советах законодательной, исполнительной и распорядительной власти в условиях местного и областного управления без каких бы то сверху назначаемых властей, был подкорректирован никогда не публиковавшимся декретом, в котором говорилось, что “согласно установившемуся порядку утверждается как общее правило, что при назначении ответственных лиц на советские посты - соответствующие комиссариаты обязаны представлять списки этих лиц на утверждение Совета народных комиссаров”.[42] В итоге совмин во главе с его председателем приобрел неограниченную власть, опиравшуюся не на закон, а насилие, в связи с чем были заложены основы режима своеобразного “самодержавия”, материальной основой которого было уже не феодальное землевладение, как было в прошлом, а всероссийская единая фабрика. Единство законодательной и исполнительной власти, о котором так много с пафосом писал Ленин, на деле оказалось приматом

[41] Бухарин Н. Экономика переходного периода... С. 144-145.
[42] РГАСПИ Фонд 158. Опись 1. Дело 12. Лист 35.

исполнительной власти над законодательной, призванной законами оформлять решения первой.

Там, где существует единая фабрика, тот, кто стоит во главе государственного аппарата, становится обладателем неограниченных полномочий. Так было везде, где коммунисты в прошлом приходили к власти. Так происходит и сегодня в странах, где в условиях низкой товарности сельского хозяйства либо ее отсутствия доминирующим является государственный сектор. Причем эта “самодержавная” власть в зависимости от обстоятельств порой переходит по наследству.

Фабрично-заводские же рабочие были заинтересованы в прямо противоположном - в существовании того самого “буржуазно-демократического разделения властей”, предполагающего свободу мнений, свободу предъявления собственных требований, которые растаптывали большевики. Только в условиях существования обусловленных рынком подобных свобод, они могли выдвигать и отстаивать свои собственные интересы, не соглашаясь с тем, что им навязывает, по точному определению Троцкого, “военной силой”[43] работодатель - государство.

Поэтому фабрично-заводские рабочие требовали создания “однородного социалистического правительства”, дружно поддерживая меньшевиков и эсеров. Первые выражали интересы управленческого персонала, вторые - интересы крестьян. И те, и другие исходили из неизбежности существования рыночных отношений. Таким образом, отстаивание рабочими многопартийности было отнюдь следствием козней меньшевиков и эсеров, как обычно изображается в большевистской историографии, а результатом отстаивания фабрично-заводским пролетариатом собственных интересов, находивших поддержку со стороны представителей этих партий.

“Идея коалиции социалистов, - пишет Д. Чураков, - была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и контроля - фабзавкомами. Телеграмма с поддержкой в адрес Викжеля (Викжель настаивал на создании коалиционного правительства - Ю. И.) поступила от Обуховского завкома. “Меньшевиствующую резолюцию” 9-го ноября приняло собрание на заводе Бромлей. Первоначально оно было собрано для “обсуждения вопроса о затруднительном положении в связи с задержкой

[43] См. Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1960. С. 556.

уплаты жалования рабочим". Но накал событий был таков, что рабочие переключились на вопрос о политической ситуации... В начале ноября потребовал "немедленно организовать единую демократическую власть" (поскольку в противном случае случае межпартийные распри могли привести ни к чему иному, как к гражданской войне московский совет фабзавкомов). Свое несогласие с линией ЦК РСДРП(б) по вопросу о союзе с другими социалистическими партиями выразил ЦС ФЗК, в том числе - его председатель, видный деятель фабзавкомовского движения Н. И. Дербышев. В обнародованной 31 октября 1917 г. специальной резолюции об организации власти ЦС ФЗК прямым текстом указывал на "необходимость создания однородной социалистической власти на основе советской программы".

Идею блока всех левых партий поддержал и Петроградский совет профессиональных союзов, включая наиболее большевизированный профсоюз Петроградских металлистов. В принятой последним резолюции указывалось: "Единственным способом закрепления пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий".[44]

Чем дольше большевики оставались у власти, тем больше рабочий вопрос становился оселком проверки способностей коммунистов проводить антирабочую политику. Положение рабочих ухудшалось с каждым днем: их заработная плата опускалась все ниже по сравнению с довоенным уровнем, обеспечение продовольствием все более становилось катастрофичным, зато возрастало число рабочих дней, сверхурочных и т. д. Конфликты с властями зачастую принимали характер открытого враждебного противостояния. Единственно, что удерживало рабочих от массовых решительных попыток свергнуть власть большевиков, была нависавшая угроза реставрации монархического строя. Обладая вооруженными подразделениями, противопоставленными народу с целью насилия над ним, только большевики обладали силой, способной оказывать решительный отпор белогвардейцам и интервентам.

По данным С. Г. Струмилина, которого нельзя обвинить в симпатиях к рабочим, месячная денежная оплата фабрично-заводских рабочих во вторых полугодиях в товарных рублях в 1916 г. равнялась 18,7, в 1917 г. - 13,8 , в 1918 г. - 4,4 , в 1919 г. - 0, 99, в 1920 - 0, 51.[45] Заметим, что в 1913

[44] Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 г. М., 2004. С. 81-82.

[45] Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913 - 1922 . М., 1923. С. 18.

среднемесячный реальный заработок текстильщика, который целиком состоял из "товарных рублей", по данным ЦСУ был 17,9 руб., металлиста - 35,9 руб.[46] Таким образом, из-за переполнения каналов обращения несметным количеством бумажных денег реальная денежная зарплата неудержимо катилась вниз. Вспомним, что писал и ведь верно писал Ленин накануне Октябрьской революции. "Все признают, подчеркивал он, - что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что является главным злом финансовой неурядицы". [47] Большевики фактически продолжали политику дореволюционного режима "ухудшавшую всего сильнее положение рабочих, беднейшей части населения" до такой степени, которую не могло себе позволить временное правительство.

Когда реальная денежная зарплата в довоенном исчислении докатилась до 51 копейки в месяц, ее бессмысленность стала очевидной - она превратилась в ничто. В связи с этим к вещей радости коммунистов, стремившихся создать безденежное хозяйство, совнарком в 1920 г. отменил всякую плату за все без исключения продукты и промышленные изделия, выдаваемые государством работающим по найму и их семьям, а также отменил плату за квартиру, топливо, газ, телефон, электричество, проезд по железным дорогам и т. д., в связи с чем окончательно исчезли следы зарплаты, свойственной найму. Рабочий стал получать только натуральный трудовой паек. Одним из следствий такой натурализации производственных связей было непосредственное установление директоратом норм потребления рабочего, по сравнению с которыми дореволюционные нормы представлялись верхом "изобилия".

Падению средней реальной денежной зарплаты в конце 1917 г. - начале 1918 г. способствовало и то, что идеалом подавляющего большинства рабочих фабрик и заводов, особенно занятых на неквалифицированных работах, было всеобщее равенство заработков. Подобные представления широко пропагандировались большевиками, добивавшимися снижения средних затрат на оплату труда. "Исходя из идеи равенства и социальной справедливости, - пишет С. Г. Струмилин, - рабочие союзы стали проводить резко уравнительную тенденцию в своих тарифах. Так, в первом тарифе металлистов соотношение между высшей и низшей ставкой для взрослых рабочих было низведено до 2,5 : 1, вместо дореволюционного 20 : 1. Во втором тарифе (январь 1918 г.) это отношение еще более понижено - до 1,7 : 1, в третьем (июнь 1918 г.) оно

[46] Там же. С. 9.

[47] Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Т. 34. С. 187.

составляло 1,4 : 1. Недостаток квалифицированного труда в предложении вынудил и регулирующее государство считаться с условиями рынка и вновь повысить в сентябрьском тарифе 1918 г. отношение максимума к минимальной ставке до 1,7 : 1".[48]

В большевистской историографии тенденция уравнительности оплаты труда трактуется как "мелкобуржуазная", но она к "мелкобуржуазности" не имеет никакого отношения. Еще до революции Ленин писал: "Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата...".[49] Но из этого следует, что само существование мелкой буржуазии предполагает существование неравенства, поскольку она "раскалывается на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата". В действительности идеи всеобщего равенства оплаты труда, как в городе, так и в деревне - это идеи полудеклассированной бедноты, которая, выполняя неквалифицированные работы, требовала абсолютно равной оплаты за одинаковой труд, включая абсолютно равные поощрения всем, в том числе и различного рода награды. Отказ от орденов на фронтах гражданской войны в те годы был массовым Его подоплекой, как документально описал, Д. Фурманов были рассуждения: "Зачем я буду первым? Пусть буду равным. Чем сосед мой хуже, чем он лучше меня?".[50]

Как известно, на российских фабриках и заводах слой квалифицированных рабочих был чрезвычайно тонок. Подавляющее большинство составляли полудеклассированные, так или иначе сохраняющие связи с деревней слои, в связи с чем здесь стихийно преобладали требования всеобщего равенства в качестве идеала социальной справедливости. Эти требования всячески поощряло, включая Ленина, руководство РКП(б), поскольку сокращались издержки на содержание рабочих. Как пишет, Л. Крицман, к первому сентября 1920 г. реальное отношение высшей ставки квалифицированного рабочего к ставке чернорабочего составляло всего 1,04, т. е. практически было равным.[51]

---

[48] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 86.

[49] Ленин В. И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. Т. 7. С. 47.

[50] Фурманов Дм. Рассказы. Повести. Заметки о литературе. М. 1984. С. 284.

[51] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. "военного коммунизма) М., 1924. С. 215.

Зато в условиях сократившегося промышленного производства возрастала прибавочная стоимость, за счет которой кормилась, говоря языком петроградских рабочих, возросшая орава "указателей". За годы революции доля служащих к общему числу занятых только в промышленности выросла с 6% в 1913 г. до13,5% в 1920 г.[52] И это было неизбежно, ибо при отсутствии рынка единственным регулятором отношений людей, занятых в производстве, становится управленческий персонал.

К чему это приводило, можно обнаружить в документах наркомпрода, с 21 ноября 1918 г. ставшего, помимо продовольственных заготовок, всероссийским центром распределения потребительных стоимостей. Среди них кроме прочих пестрят, в частности, заявки нижестоящих организаций на канцелярские принадлежности. Такие заявки обстоятельно обсуждались на совещаниях, по ним принимались решения, которые под расписку ставились в известность заявителям. В случае удачного решения заявитель направлялся на склад, где вместе с канцпринадлежностями получал новую расписку в их получении. Затем эти канцпринадлежности оприходывались и опять под расписку выдавались сотрудникам. Но могло быть и так, по инициативе наркомпрода создавалась специальная комиссия, которая в поисках приписок проверяла количество действующих пишущих машинок. В условиях же рынка вся процедура ограничилась бы покупкой в ближайшем магазине и оприходовыванием чека в бухгалтерии.

С натурального распределения и политики уравнительного равенства начинали свои преобразования и коммунисты стран Востока, где относительная масса полудеклассированной бедняцких слоев была неизмеримо большей, чем в России. В частности, как подчеркивает А. В. Холодковская, в КНР "развернувшееся в годы "большого скачка" широкое наступление на принцип оплаты по труду, насаждение уравниловки в целом привело к снижению средней заработной платы, к падению заработков многих рабочих".[53] В качестве оправдания такой политики квалифицированных рабочих объявляли "рабочей аристократией", проводниками "буржуазной линии", а их требования "контрреволюционным экономизмом".[54] Причем здесь подобные процессы продолжались десятилетиями.

---

[52] Там же. С. 193.

[53] Холодковская А. В. Рабочий класс Китая в период "урегулирования" 1961-1965. М., 1975. С. 20.

[54] Китай. Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае. Часть 1. М., 1972. С. 73.

Иначе обстояло дело в странах Западной Европы, где в годы войны также сокращался разрыв в реальной оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих, чему способствовала карточная система и возрастание денежных расходов на продовольствие, которые обесценивала инфляция. Например, в Австрии и Германии после окончания войны, в разгар инфляции 1921-1922 г., оплата труда квалифицированного и неквалифицированного рабочего практически уравнялась. Однако здесь не было попыток декретировать всеобщую уравнительность, ликвидируя рынок и свободный найм, тогда как доля рабочих без специальной подготовки была относительно мала. Поэтому по мере преодоления инфляции здесь все возвращалось на круги своя.

Примечательно, что в то время как денежная оплата труда в промышленности становилась все более скудной в РКП(б) во имя "социальной справедливости" нарастали требования ее увеличения для руководящих партийных работников, означавшие отказ от принципа оплаты труда на уровне зарплаты квалифицированных рабочих, принципа, который до Октябрьской революции провозглашался Лениным в качестве альфы и омеги победившего социализма. Апрельским декретом 1919 г. ежемесячное жалование ответственных сотрудников наркоматов, членов ВСНХ и работников некоторых других учреждений устанавливалось в размере 2000 рублей.[55]

Важно и то, что понижение оплаты труда рабочих фабрик и заводов сопровождалось увеличением числа рабочих дней и ростом сверхурочных, которых до революции Ленин обещал полностью отменить. Вот что, в частности, пишет о рабочих днях все тот же С. Г. Струмилин. В 1916 г. в среднем было 272 рабочих дня, стало быть, на праздники (имеется в виду и выходные - Ю. И.) в эти годы падает на круг около 90 дней. После Октябрьской революции по нормам советского законодательства рабочий год был увеличен до 300 дней. Число легальных праздников составляет около 65 в год. (при этом число государственных праздников было сокращено до 9 против отмененных многочисленных праздников царствовавшего дома - Ю. И.). Фактически же празднуют у нас за последнее время еще меньше, так как и часть праздничного времени используется - с оплатой в полуторном размере - для сверхурочной работы. По данным ЦСУ, число фактически использованных праздников за сентябрь-декабрь 1919 г. по шести губерниям составляло 4,2 дня в месяц, что дает всего 50 дней на 1

[55] Bettelheim Ch. Class Struggles in the USSR. First period 1917-1923. Paris, 1976. C. 165.

рабочего в год".[56] Правда, рабочие еще имели право на легальный 12-тидневный отпуск, но даже в конце 1919 г. его использовали лишь 0,3% работников в месяц. А это означает, что на деле почти все рабочие были лишены возможности пользоваться отпуском. Если же учесть, что в 1920 г. число праздничных и выходных, занятых сверхурочными работами, как пишет Ю. Ларин, на 11 дней превышало число установленных для рабочих дней отпуска,[57] то это означает, что рабочие имели в год всего 33 дня отдыха.

К этому времени дореволюционное требование о 8-ми часовом рабочем дне было напрочь забыто. Рабочий день сплошь да рядом превышал рабочий день незабвенного царского прошлого. Так, например, Петроградской коммуной было отдано распоряжение с октября 1919 г. выдавать полный паек только при условии труда в течение 12-ти часов.[58] Однако и этот "ударный" паек сплошь да рядом числился лишь на бумаге. Петроградская коммуна в данном случае неукоснительно следовала ленинской установке, утверждавшей о том, что распределение продовольствия "есть метод, орудие, средство для повышения производства".[59]

После Октябрьской революции городской рабочий питался хуже, чем при временном правительстве при мало изменившихся сразу же после революции посевных площадях по сравнению с 1913 г. (по данным 45 губерний и областей европейской России посевные площади зерна и картофеля в 1917 г. составляли 93,2% от уровня 1913 г.[60]) и фактическом прекращении экспорта зерна за границу. И временное, и советское правительства в 1917-1918 гг. могли осуществлять продразверстку примерно с одинаковых посевных площадей. Западные районы страны, включая Украину, находились под немецкой оккупацией. На Дону и Кубани не позволяло проводить продразверстку вооруженное до зубов казачество. Сибирь из-за ограниченности железнодорожных перевозок еще в годы первой мировой войны оказалась отрезанной от промышленных центров страны. Гражданская война лишь усугубила действие этих факторов противостоянием красных и белых.

[56] Струмилин С. Г. Избранные произведения в пяти томах. Т1. Статистика и экономика. М., 1964. С. 19.

[57] Ларин Ю. Производственная пропаганда и сельское хозяйство на рубеже 4-го года. М., 1920. . С. 7.

[58] Пестржецкий Д. И. Около земли. Берлин, 1922. С. 103.

[59] Ленин В. И. Речь на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня 1921 г. Т. 43. С. 359.

[60] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918 г. С. 48.

В качестве сравнения питания городских рабочих до Октябрьского переворота и после него приведем следующие факты. В июле-августе 1917 г. "особая комиссия при министерстве внутренних дел при деятельном участии делегатов от советов солдатских и рабочих депутатов, фронтовых организаций и делегатов от солдаток выработала новый состав пайков к прежнему (1 пуд 20 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 2 фунта соли и 1,5 фунта постного масла) еще масла коровьего 1,5 фунта, мяса 15 фунтов, картофеля 1,5 пуда, сахара 2 фунта и чая 1/8 фунта".[61] После Октябрьского переворота о таком пайке приходилось только мечтать. В 1918 г. тот же паек сплошь да рядом составлял менее одного фунта хлеба в день или, иначе говоря, менее 12 кг. в месяц и практически больше ничего.

Длительная война всегда вносит свои коррективы в механизм распределения товаров. Как известно, изобилие товаров является необходимым условием нормального функционирования рыночного хозяйства, в котором отраслевые пропорции регулируются законом стоимости, выравнивающим несоответствие между платежным спросом и предложением. Иначе обстоит дело, когда возникает хронический дефицит самого насущного, как это случилось в воюющих государствах в годы первой мировой войны. Закон стоимости в таких случаях перестает быть регулятором производства. Дефицит порождает гипертрофированный рост стоимости, делая недоступными товары как для личного, так и производственного потребления, в связи с чем общество может существовать лишь при условии обеспечения потребителей товарами ниже их рыночной цены. В отношении продовольствия это достигалось путем пайкового распределения по карточкам, которые обычно сохраняют следы своего товарного происхождения в виде принудительно пониженной денежной оплаты.

Основное различие между пайковой политикой временного правительства и большевиков заключалось в том, что первое оставляло имущей части деревни известную долю продукции для продажи на рынке, тогда как вторые стремились полностью ликвидировать рынок, забирая подчистую все так называемые "излишки". Политика первого неизбежно порождала спекуляцию, о которой так много с негодованием писал Ленин, политика вторых - колоссальную бесхозяйственность и массовые хищения в условиях, когда имевшие "излишки" крестьяне не были заинтересованы производить сверх собственного потребления, сознательно сокращая свои посевы. В 1920 г. урожай зерновых составил немногим более половины довоенного уровня. В этих условиях

[61] Там же. С. 260.

достаточно было засухи 1921 г. чтобы в стране наступил катастрофический голод, унесший несчетное число жизней.

Бедняки же, на которых опирались большевики, были в состоянии только сами потреблять из того немногого, что оказывалось в их распоряжении. "Бедняцкая часть деревни, - писал об этом времени Ю. Ларин, - освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть при недостатке лошадей и орудий - бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян (чем разрешался вопрос о "производственном кредите"). Бедняцкая часть деревенских хозяйств, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков - на то она и бедняцкая), все же в порядке снабжения, хотя и немного получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое-что".[62] Как правильно, отмечает Л. Крицман, "государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов зажиточных слоев деревни".[63]

Беднота присваивала не только промышленную продукцию, предназначенную для села, но и часть "излишков", изымавшихся у имущих крестьян. Такое присвоение было узаконено декретом ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г., в котором указывалось: " повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, организуемые местными продовольственными органами при содействии Совдепов. Членами волостных и сельских комитетов бедноты могут быть малоземельные и лица, не пользующиеся наемным трудом. В круг деятельности волостных и сельских комитетов бедноты входит следующее: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий между деревенской беднотой, а также оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев"[64]

Чего не могли добиться большевики, так это заставить бедноту систематически трудиться в общественных хозяйствах типа производственных артелей и коммун, на организацию которых только в 1919 г. было выделено миллиард рублей. Будучи в значительной мере деклассированными - уже переставшими быть старательными крестьянами и лишенными возможности постоянно трудиться по найму - члены артелей и коммун не имели навыков к систематическому труду вообще и труду вне своих домашних хозяйств в особенности. Они

[62] Ларин Ю. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13.
[63] Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М.- Л., 1929. С. 104.
[64] Декреты Советской власти. М, 1951. С.416-417.

привыкли время от времени что-то делать, руководствуясь лишь текущими нуждами. Заботиться о завтрашнем дне у них не было ни возможности, ни желания. Поэтому все, что поступало в их распоряжение, либо немедленно потреблялось, либо бесхозяйственно расходовалось.

Вот, что писал, например, по этому поводу видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов А. М. Устинов: "В комбеды входит голытьба, деклассированные элементы деревни, всякие "перекати поле" ... Эта теплая компания ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся трудовые хозяйства: расхищаются скот, мертвый инвентарь всех видов, самые ничтожные запасы продуктов, растаскивается и проматывается все и вся, идет не на создание ценностей, а их уничтожение". [65] В глазах старательного крестьянина, хозяйствующего на своем участке, коммунары и члены артелей не без основания считались нахлебниками, существующими за их счет.

Конфискация "излишков" пшеницы и ржи проводилась на всей территории европейской части России. Однако, если в районах Черноземья, пшеница и рожь традиционно производились для продажи, то в промышленных районах Северо-запада хлеб выращивали лишь для собственного потребления в крестьянских хозяйствах. Для рынка здесь выращивали коноплю, рожь, овес, скот и т. п., тогда как городские рабочие, издавна покупали хлеб, ввозившийся из черноземной полосы. Поэтому, когда сюда устремились продотряды, подчистую выметая всю рожь и пшеницу, здесь раньше чем, в остальных районах прокатилась вереница восстаний, в которых участвовали фабричные рабочие, сохранявшие устойчивые связи с деревней. Позднее здесь перешли к изъятию овса, из которого изготавливался пайковый хлеб для рабочих промышленных городов.

Забирая все без остатка, большевики имели в своем распоряжении значительно меньше продовольственного зерна, чем Временное правительство, заготовившее в 1917 г. 517 млн. пудов. [66]. "Через продовольственный аппарат с октября 1917 г. по август 1918 г., - пишет Г. Г. Швиттау, - прошло только 30 млн. пудов хлеба, т. е. менее десятой доли наличной потребности населения... В следующую компанию 1918-

[65] Цит. по: Павленков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72..

[66] См: Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель, 1921. С. 35.

1919 г. было заготовлено 110 млн. пудов хлеба (хотя разнарядка была определена в 260 млн. пудов). В третью кампанию 1919-1920 г. было собрано 265 млн. пудов вместо ожидавшихся от разверстки 411 млн. пудов". [67] Увеличение хлебозаготовок в 1919-1920 г. происходило прежде всего за счет сибирских крестьян, до этого практически не знавших, что такое продразверстка.

И это несмотря на буквально драконовские меры, применявшиеся по отношению к имущему крестьянству. 31 января 1918 г. совнарком назначил Троцкого председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту, отдавшему приказ, согласно которому в случае сопротивления "мешочники" расстреливались на месте.

Позднее его сменил А. Д. Цюрупа. В конце февраля 1918 г. к нему "поступил проект декрета, написанный Лениным, в котором крестьянам предписывалось сдавать хлеб под расписку и имелся параграф, где было сказано, что тот крестьянин, который не выполнит положенный наряд в срок, будет расстрелян". По словам А. Д. Цюрупы декрет не был принят. [68] Однако в июне этого же года он получил от Ленина новый проект декрета, в котором указывалось иметь "в каждой хлебной волости 25-30 *заложников* из богачей, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку всех излишков". [69] Как и ряд других декретов, этот декрет не был опубликован.

Чтобы увеличить заготовки Ленин предлагал также широко привлекать к ним городских рабочих. Однако, как дипломатично писал ему В. И. Невский, "у рабочих особого желания не замечается". [70] И это не случайно. Голодая из-за продразверстки, к тому же будучи сами так или иначе связаны с деревней, широкие рабочие массы враждебно относились к политике ее применения.

При том продовольственном пайке, который они получали, им постоянно приходилось буквально балансировать на грани между жизнью и голодной смертью. По оценке врачей того времени труд ткача, прядильщика, токаря и т. д. требовал 3400-3800 калорий в день, труд землекопа, кузнеца и т. п. еще больше. [71] Калорийность же получаемого ими продовольственного пайка равнялась всего 1170 калорий, а для членов семьи на половину меньше. Лишь в одном Петрограде за 1919 г.

[67] Революция и народное хозяйство России (1917-1921). Лейпциг, 1922. С. 124.

[68] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 58.

[69] Ленин В. И. Письмо А. Д. Цюрупе. Т. 50. С. 144.

[70] См. Ленин В. И. Н. П. Брюханову и другим членам коллегии комиссариата продовольствия. Т. 50. С. 140.

[71] С. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 215.

"только от голода умерли не менее 7385 чел. В это число не вошли умершие от желудочных и прочих заболеваний, вызванных голодом. Скончалось почти половина детей в возрасте до года". [72] Сколько же всего умерло от голода без установления причины смерти установить сегодня, по-видимому, уже невозможно. "Из секретной сводки ВЧК, - пишет С. А. Павлюченков, - за апрель 1920 г. по Владимирской губернии узнаем, что здесь зарегистрированы случаи, когда рабочие падают у станков в бессознательном состоянии". [73]

Ниже мы приводим данные из отчета Центральной комиссии по снабжению рабочих и ее местных органов, в котором отмечалось следующее: "Мы остановились на минимальной цифре рабочих, кои подлежат твердому бронированию (бронировались ударные предприятия, на которых выдавался повышенный паек - Ю. И.). На декабрь 1919 г. норма 1 фунт хлеба на рабочего с некоторым увеличением для отдельных отраслей промышленности, а иногда для отдельного особо важного предприятия. Членам семей ничего. Декабрь прошел. Исполнение неполное. Некоторые группы получали 40%, некоторые 60%, некоторые 80%, кое-где и ничего, так как продовольствие не поспело. В январе список изменяется и увеличение и исполнение дает в среднем 60%. Позднее идем вперед. 600 тыс. рабочих на броньпайке в 1 фунт хлеба в день. 800 тыс. рабочих на 1 фунте, 1,25 и 1,5 фунта в день. Один миллион рабочих по той же норме. 1,2 миллиона с увеличенной нормой". [74] Следует учитывать, что согласно традициям дореволюционной статистики, под термином рабочие комиссия подразумевала всех наемных работников, включая управленческий персонал и научных специалистов, а также их семьи. Поэтому число рабочих так непомерно разрослось. По данным Троцкого на территории всей России насчитывалось 850 тыс. рабочих против 1,5 миллиона в довоенный период. [75]

Чем длительнее война и связанные с ней лишения, тем обычно резче проступают социальные контрасты жизни населения. В то время как рабочие существовали на грани между жизнью и голодной смертью, правящая верхушка советского государства жила припеваючи.

[72] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 14.
[73] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 154.
[74] Два года деятельности Центральной комиссии по снабжению рабочих и ее местных органов. 15/XI 19-15/ 21 г. М., 1921. С. 9.
[75] См. Троцкий Доклад о хозяйственном строительстве //Девятый съезд РКП(б) С. 93; Милютин В. Основные задачи восстановления народного хозяйства (к 8-му съезду советов) 1920. С. 12.

Продразверсткой были охвачены не только "излишки" пшеницы и ржи, из которых лишь толика доставалась фабрично-заводским рабочим. В 1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/ 20 г. уже и на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. На стол рабочих масло, яйца, домашняя птица и т. п., естественно, не попадали. Зато они входили в регулярный рацион высших слоев управленческого аппарата. Их представители получали реквизированные у буржуазии квартиры и дачи. Их обеспечивали персональным транспортом, которым они бесконтрольно пользовались, лучшей одеждой и обувью, продовольственными пайками, в том числе совнаркомовскими (их получали 10 тыс. ответственных работников), в их распоряжении были закрытые столовые, буфеты и т. д.

Большевистскими историками было создано немало легенд по поводу переселения рабочих в особняки буржуазии. В действительности же особняки использовались в основном для учреждений большевистской власти и местожительства ее командных верхов, которых охраняли чекисты. Рабочие же продолжали ютиться в фабричных казармах и развалюхах на окраинах городов. Дореволюционное обещание Ленина о "распределении жилых помещений в интересах бедноты" так и осталось невыполненным обещанием.

Уплотнения дореволюционных жильцов доходных домов действительно были, но они затронули прежде всего служащих и интеллигенцию, в квартиры которых подселяли служивых нового государственного аппарата. Единственно, что из ленинских обещаний было выполнено, это появление в уплотненных квартирах ответственных, следивших за поведением жильцов. Вот какой представлял их роль еще до Октябрьской революции Ленин, описывая подселение к "богатому" "бедноты". "Ваш телефон (имеется в виду телефон "богатого" - Ю. И.) будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы беготни по лавочкам т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в вашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его". [76] Подобные наблюдающие,

[76] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть. Т. 34. С. 314.

обязанные доносить в КГБ, действительно существовали во всех коммунальных квартирах на всем протяжении советской власти.

Естественно, что труд, ютящегося в неприглядных жилищах хронически голодающего рабочего в условиях чрезмерного рабочего дня сопровождался падением производительности. К 1920 г. она составляла примерно треть довоенной. [77] Но каким же нужно было обладать цинизмом, чтобы в связи с этим обвинять фабрично-заводских рабочих в том, что они, как пенсионеры, якобы живут за чужой счет, как это делал, например, М. Томский, который еще в мае 1918 г. писал: "Падение производительности в настоящее время дошло до той роковой черты, за которой (вернее на которой) производству грозит полное разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньше ценности, чем получает, менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера государства, живущего за чужой счет".[78]

В том же духе сетовал и А. Гастев. "По существу, - утверждал он, мы имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают, как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский. Мы встречаем громадное противодействие со стороны рабочей массы, когда приступаем к нормированию".[79] В качестве мер против такого "саботажа большевики видели удлинение рабочего дня, переход к сдельщине, ударничество и т. п.

В этой связи представляет интерес рассуждение С. Г. Струмилина, который писал: "Продолжительный труд даже при весьма низкой степени его продуктивности утомляет больше, чем менее продолжительный, хотя и более напряженный. И это потому, что усталость является результатом отравления организма продуктами его распада в процессе труда. Вот почему, чем дольше мы задерживаем эти ядовитые продукты распада в своем организме, тем отравление полнее, хотя новые наши усилия были уже столь ничтожны, что вовсе не прибавляли бы новых доз этой отравы. А отсюда ясно, что отравляемый таким образом организм уже не может удовлетвориться нормальным отдыхом и требует его увеличения или теряет сопротивляемость внешним и внутренним болезнетворным началам и заболевает. Конкретно это сводится к тому, что менее добросовестные работники сами увеличивают свой отдых прогулами, а

[77] Dobb M. Soviet Economic Development since 1917. L., 1966. C. 110.

[78] Цит. по: Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 331.

[79] Там же. С. 332.

более добросовестные заболевают".[80] В результате невыходы на работу и прогулы в среднем достигали 30-40% рабочего времени.[81]

Чтобы заставить голодных рабочих трудиться в течение непомерно длительного дня, большевиками было разработано, пожалуй, самое репрессивное трудовое законодательство нашего века. Согласно этому законодательству малейшие нарушения установленных трудовых норм сопровождались намного более жестокими уголовными преследованиями, чем в царской России, где еще до февральской революции фабзавкомы явочным порядком устраняли следы законодательства эпохи начала промышленного переворота.

О подлинном характере трудового законодательства того времени можно судить, ознакомившись с материалами сборника под любопытным названием "Документы трудового энтузиазма". Так в декабре 1918 г. был введен в действие "Кодекс законов о труде" установивший в стране трудовую повинность и ликвидировавший свободу предложения труда. Согласно положения СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 г. "в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине "виновные" подвергаются как нетрудовой элемент увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь".[82] Дела о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или "саботировавших" хозяйственную жизнь республики, передавались в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет.[83]

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. указывалось "Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству", Съезд видит одну из насущных задач "в планомерной систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь".[84]

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие меры подобного порядка, применявшиеся в отношении фабрично-заводских рабочих, большевики считали непременным условием

[80] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 75.

[81] Милютин В. Основные задачи восстановления народного хозяйства (к 8-му съезду советов). М., 1920. С. 12.

[82] Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 11, 112.

[83] Голинков Д. Л. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 215.

[84] ВКП(б) в резолюциях.... Часть I. С. 344.

построения коммунизма. Не случайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что "пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".[85]

С введением единоначалия директорский корпус окончательно овладел управлением производства, полностью оттеснив рабочих, пытавшихся хоть как-то использовать профсоюзы с целью возглавить национализированную экономику. По Ленину, господство рабочего класса состояло не в управлении предприятиями, требовавшем особой сноровки и умения, а в "конституции собственности и в том, что именно мы (имеется в виду компартия - Ю. И.) двигаем дело".[86] Тот факт, что "конституция собственности" определялась государством, отнюдь не означает, что ею распоряжались рабочие. Более того, именно благодаря этой "конституции" большевики имели возможность распоряжаться средствами производства и рабочей силой, проводя свою антирабочую политику.

Известно, что в большевистской литературе в качестве одного из доказательств пролетарского происхождения большевистской власти нередко использовались данные о якобы массовом выдвижении рабочих на руководящие должности. Но при этом умалчивалось о том, что, во-первых, заняв руководящую должность, он становился функционером управленческого аппарата большевиков, обязанным проводить его политику, и, во-вторых, число таких рабочих было очень невелико в общей массе управленческого персонала, созданного большевиками.

Можно только удивляться таким заявлениям Ленина, какое он, например, делал, утверждая о том, что в начале 1921 г. рабочие - выдвиженцы составляли почти 62% всего состава руководящих органов промышленности - ВСНХ, главков, губернских совнархозов и предприятий.[87] Эти данные были получены на основании опросов. Но занимавшие в то время руководящие должности всякими правдами и неправдами старались приписать себе пролетарское происхождение, гарантировавшее служебное благополучие. С точки зрения сегодняшнего дня это может показаться нонсенсом. Однако в исследуемый период

[85] Бухарин Н. Экономика переходного периода... С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.
[86] Ленин В. И. Т. Речь на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. 40. С. 222.
[87] См. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте... Т. 42. С. 284.

подобные приписки были духом эпохи, на которой лежала печать стремления совершивших революцию рабочих самим управлять предприятиями.

К сожалению, исследований о подлинном классовом происхождении руководящих сотрудников промышленности чрезвычайно мало. Одна из немногих из них работа Э. Г. Савцова, изучившего анкетные данные руководящих кадров уральской промышленности.[88] По официальным данным в составе центрального аппарата Уралпромбюро рабочие выдвиженцы в 1917-1923 гг. составляли 32,4%, в аппарате трестов и губсавнархозов - 39,9%, в руководстве предприятий - 52,1.% Однако на вопрос чем занимались до 1917 г., лишь 7,2% сотрудников в аппарате Уралпромбюро заявили, что они были рабочими. В аппарате трестов и губсовнархозов такой ответ дали всего 12,3% сотрудников, а в руководстве предприятиями - 23,6%. Что касается остальных, то их стаж на рабочих должностях мог составить в лучшем случае от нескольких месяцев до пары лет. Относить их к рабочим вряд ли было бы корректно. Приведенные сведения о доли рабочих с дореволюционным стажем в целом коррелируются с данными об образовании обследуемых. Так, 1917-1918 гг. 26,7% сотрудников, пришедших на руководящую работу, имели начальное образование, в 1919-1920 гг. этот показатель составил 17,9%. Остальные же окончили гимназию либо реальное училище, или имели высшее образование. В условиях царской России они не могли быть выходцами из рабочей среды. Эти результаты близки и к итогам опроса, проведенного в начале 20-х годов Сорокиным в Центральном промышленном районе. Из опрошенных им 888 директоров лишь 13% в прошлом были рабочими.[89] Но и эти рабочие переставали быть рабочими. Их главной функцией становилось принуждение своих бывших товарищей трудиться больше, " больше отдавать сил работе", о чем любил говорить Ленин.

Важно и то, что в рассматриваемый период наибольшую долю управленческого персонала промышленности составляли выходцы из городских состоятельных в прошлом слоев, получившие образование в гимназиях, реальных училищах и высших учебных заведениях. Многие из них лишились частных источников доходов, оказавшись по выражению

[88] Савцов Э. Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917-1923 гг. // Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Свердловский филиал. Сборник научных трудов. Вып. 2. Свердловск, 1967.
[89] См: Ларин Ю. Итоги, пути и выводы новой экономической политики М., 1923. С. 75.

Ленина на правах "пролетариев и полупролетариев", что вынуждало их поступать на службу в государственный аппарат, открывавший перспективы продвижения по служебной лестнице. Об этом свидетельствует не только исследование Э. Г. Савцова, но и сводки общего отдела ЦК РКП(б).[90] Работа в управленческом аппарате засчитывалась им в качестве трудовой повинности и обеспечивала существование на значительно более высоком уровне по сравнению с уровнем жизни рабочих.

Основу благополучия управленческого персонала составлял непосильный труд постоянно голодающих рабочих, с чем последние, естественно, не хотели мириться. Чтобы облегчить свою участь, многие из них переселялись в деревню, с которой имели многообразные связи. "К 1919 г., - пишет Л. Крицман, - численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы (имеется в виду полоса нечерноземного земледелия - Ю. И.) опустели наполовину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения "отсутствующих" в хозяйства, в которые между 1917 и 1919 гг. вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа до 80% и выше".[91] Например, к августу 1920 г численность населения Петрограда сократилась до уровня 60-х годов XIX века.[92]

В Московском районе и на Северо-западе, где были сосредоточены текстильные предприятия, в городах оставались преимущественно квалифицированные рабочие, сохранявшие связи с деревней, и те, кто уже по тем или иным причинам утратил с ней связи. Кроме бесплатного жилья, они получали лишь скудный хлебный паек и прозодежду. Основным дополнительным источником их дохода были нитки и ткани, которые они всякими правдами и неправдами приобретали на своих предприятиях с тем, чтобы обменять на хлеб. Если деревенских участников такого обмена называли "мешочниками", то городских "лоскутниками".

[90] См., например, РГАСПИ. Фонд 17. Опись 66. Дело 68. Сводки штаба войск ВЧК и секретного отдела ВЧК и доклады сотрудников отдельной роты ВЧК в ЦК РКП(б) о политико-моральном состоянии воинских частей, о восстании военного гарнизона в Брянске, ликвидации повстанческих, антисоветских выступлений в Казанской губернии и Сызрань-Обнорском районе. 12/III-3/X 1919 г.; РГАСПИ. Фонд 17. Опись 66. Дело 84. ЦК РКП(б) Общий отдел. Сводки о политической работе в армии. Роста, ВЧК, МЧК, вохр и др. 1918 30/XII-1919 11/XII.
[91] Крицман Л. Героический период великой русской революции...С. 183.
[92] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата... С. 15.

Там же где были сконцентрированы металлообрабатывающие заводы, как, например, в Петрограде, основными предметами обмена городских рабочих становились зажигалки, ложки, изделия из металла, поношенная одежда и т. п. Часть умельцев переселялись в деревни, где они изготавливали лемехи для плугов, ведра, немудреный крестьянский инвентарь и т. д.

Несмотря на то, что постоянно принимались меры с целью окончательной ликвидации рыночных связей между городом и деревней и замены их целиком государственно-административным распределением потребительных стоимостей, добиться этого большевики так и не смогли. Скудный рынок в виде базаров продолжал существовать, хотя закрывались лавки, запрещался свободный ввоз горожанами 1,5 пудов хлеба и т. д. На базарах рабочие приобретали примерно половину потребляемого ими продовольствия. Если бы этого не было, они неизбежно бы вымерли.

В августе 1920 г. Петроградский совет запретил всю частную торговлю в лавках и на базарах. Примеру Петрограда последовали другие города.[93] Продажа разрешалась лишь самим производителям, что в условиях чудовищной инфляции способствовало расширению прямого обмена. Строго говоря, такой обмен был разновидностью дорыночных отношений, возникших в эпоху, когда обмен носил еще случайный характер, а его участники одновременно выступали в роли и покупателей и продавцов. Таким образом, политика военного коммунизма способствовала расцвету допотопных форм обмена. Однако тот факт, что несмотря ни на что, такой обмен продолжал сохраняться, объясняется отнюдь не уступками большевиков крестьянству, которое в конце концов итак могло без него прожить за счет своих полунатуральных хозяйств, а уступками рабочим, для которых вопрос о существовании рынка был вопросом жизни и смерти.

Большевики же изображали дело таким образом, что, если еще сохранялись деньги, скудный товарообмен, то это происходило из-за злостных помыслов частных собственников-крестьян, не понимавших выгод, которые может предоставить им советское государство. "Деньги останутся пока в России, - заявлял тогда Ю. Ларин, - только для закупок на "вольном рынке, естественно сокращающемся по мере роста фактического сосредоточения продуктов в руках государства и крестьянском быту, пока и здесь, с увеличением количества фабрикатов,

[93] Дмитриенко В. М. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблема регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 175.

государству не удастся полностью перейти к натуральным взаимоотношениям при расчетах с крестьянством за сдаваемые им продукты сельского хозяйства и выполняемые гужевые, дроворубные и т. п. работы (первые шаги к чему делаются)".[94]

Но сама деревня не была однородной. Громадное большинство в ней составляла полудеклассированная беднота, которая ничего не могла предложить для государственно-адинистративного распределения продуктов. Ее доля в связи с переселением из городов рабочих резко возросла. Почти все они были выходцами из тех деревенских семей, у которых наделы были слишком малы для того, чтобы иметь возможность постоянно работать в своем хозяйстве. Город в прошлом обеспечивал им более высокий уровень жизни по сравнению с деревней, где им приходилось время от времени батрачить либо трудиться по найму на стороне. Теперь же времена изменились. Спасаясь от голода в городах, они устремились в деревню, пополняя здесь ряды бедноты, которой большевики дали возможность существовать за счет имущих крестьян, обеспечив тем самым себе ее неустойчивую лояльность.

В связи с сокращением посевов в хозяйствах зажиточных и середняков сфера приложения труда бедноты сократилась при возросшей ее численности. Основным ее занятием были совместные пьянки и бесхозяйственное потребление всего, что им доставалось от заготовок большевиками хлеба. Как правило, они были неграмотны и не интересовались ничем кроме местных событий в своей деревне и волости, откуда поступали разрешения на получение продуктов и промышленных изделий, приобретаемых ими за услуги по сбору продразверстки. На устраиваемые властями пропагандистские мероприятия обычно по сговору выделялось несколько человек, в задачу которых входило лишь согласно кивать головой в надежде, что, быть может, им что-нибудь перепадет. Идеологические установки большевистской партии до них не доходили. "Азбука коммунизма"[95] из-за безграмотности была книгой за семью печатями. Заучивать же наизусть лозунги, как это делали, например, в КНР ил КНДР, мешал полупьяный российский менталитет, для которого было характерно, как пел В. Высоцкий по другому поводу, все вопросы решать глоткой.

Кроме насилия у большевиков не было иных средств воздействия на малоуправляемую полудеклассированную молодежь. Его ведущей формой была мобилизация в армию, откуда они постоянно дезертировали. "По данным высшей военной инспекции, - пишет С. А.

[94] Ларин Ю. Производственная пропаганда... С. 26.

[95] Бухарин Н. Ярославский Е. Азбука коммунизма М., 1919.

Павлюченков, - летом 1919 г. насчитывалось около одного миллиона дезертиров и уклонившихся от военного призыва".[96] Проев и пропив все, что им доставалось после осеннего сбора урожая, зимой они грабили ссыпные пункты, скрываясь в лесах. Такой грабеж был своеобразной формой аграрного бандитизма, возникшего на почве порожденной большевиками продразверстки. Весной они возвращались домой, чтобы хоть что-то вырастить на своих участках, откуда их вновь призывали в армию.

В течение зимы на них шла настоящая охота в лесах, где они скрывались. Хорошо вооруженные отряды чекистов пулеметами расстреливали сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальных тысячами принуждали сдаваться с тем, чтобы направить в запасные полки, где их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых помещениях на холодном полу, а в качестве обуви нередко выдавали лапти. В казармах их приучали к военной дисциплине, вооружив несколькими винтовками при почти полном отсутствии патронов.

Если же такие полки направлялись на фронт, то там многие из таких дезертиров, экипировавшись и вооружившись в боях за счет противника, оставались преданно служить. Крестьянская беднота составляла основной контингент воевавшей на фронтах гражданской войны Красной Армии, обеспечивавшей им по сравнению с постоянной нищетой и голодом в деревне, по их понятиям комфортные условия существования без забот об одежде и пище в виде красноармейского пайка. К тому же армия открывала возможность усваивать зачатки грамоты, исполнять и отдавать приказы, усваивать революционные лозунги с тем, чтобы потом вступать в компартию, получая доступ к командным должностям. Вначале их зачисляли в разряд сочувствующих РКП(б), затем в ходе периодически проводившихся партийных недель их принимали в большевистские ряды. В 1920 г. в Красной армии было 300 тыс. коммунистов, из которых не меньше 75-80% были крестьяне.[97]

Красная армия, таким образом, положила раскол рядов полудеклассированной деревенской бедноты. Многие служившие в ней становились активными поборниками политики коммунистической партии подобно тому, как это происходило в ряде стран Востока, где коммунисты приходили к власти, тогда как остававшиеся в деревнях та же беднота не менее активно участвовала в антибольшевистском разграблении продуктов, собранных по продразверстке.

[96] Павлюченков С. А. Власть и массы. М., 1997. С. 81.

[97] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

Такие разграбления не прекращались все годы гражданской войны, охватывая как производившее хлеб Черноземье, так и его потребляющие промышленные районы. В Черноземье зачинателями разграблений, в которых участвовали все сельские слои, обычно были кулаки, искавшие поддержку у белогвардейцев и казаков. Но как только на авансцене появлялись последние, имущая деревня, включая середняков, начинала сводить счеты беднотой, лишая ее остатков имущества за долги, унижая и подвергая, помимо расстрелов, массовым поркам. Поэтому по мере продолжения гражданской войны здесь деревенская беднота все устойчивее поддерживала отряды чекистов и красноармейцев, подавлявших кулацкие восстания.

Хотя в марте-мае 1918 г. советы таких губерний как Самарская, Саратовская, Симбирская возглавляли провозглашавшие сводную торговлю правые эсеры - идеологи полунатурального крестьянства, производившего хлеб для рынка, - судьба продразверстки в Черноземье решалась не в городах, а непосредственно в деревне. Ее определяло поведение крестьянской бедноты, для которой реставрация старых порядков была неприемлема.

Иное дело промышленные районы, где в отличие от полунатурального Черноземья еще до революции на базе фабрик и заводов сложился относительно развитый рынок, зачастую еще окончательно не порвавший с пуповиной сельской жизни. Здесь деревенская беднота, идя за рабочими фабрик и заводов, наиболее активно участвовала в движениях против большевиков. Именно рабочие районы, а отнюдь не деревня, как старалась доказать большевистская историография, были основными очагами борьбы против системы натурального распределения и монополии проводившей ее коммунистической партии.

Зачинателями этой борьбы, естественно, были рабочие фабрик и заводов Петрограда, в наибольшей мер усвоившие европейские методы борьбы. Но дело не только в этом. Ее характер определялся металлистами - наиболее боеспособным отрядом фабрично-заводских рабочих России, наименее связанными здесь с деревней. Антибольшевистские выступления в Петрограде начались еще в 1917 г., когда по инициативе питерских рабочих состоялось Заседание рабочей конференции Союза защиты Учредительного собрания, на которой 20 декабря 1917 г. присутствовали представители 115 заводов и фабрик[98], потребовавшие передачи собранию всей власти в стране. В ответ большевики 23 декабря 1917 г. ввели военное положение, объявив, что власть в городе от

[98] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 9.

Петросовета перешла к Чрезвычайному штабу. Но, несмотря на это, 5 января 1918 г. в знак протеста против разгона Учредительного собрания здесь состоялась многотысячная демонстрация, в которой участвовало множество рабочих. Манифестантов встретили выстрелами красногвардейцы. Наиболее активные участники демонстрации подверглись аресту. Из 12 погибших 8 были рабочие Обуховского завода.

В знак протеста на Обуховском заводе состоялся митинг. В принятой резолюции, - пишет Д. Чураков, - говорилось "отозвать рабочих-обуховцев из Петросовета как органа санкционировавшего расстрелы и избрать "других товарищей". В резолюции прозвучало требование всех красногвардейцев-обуховцев "возвратить на завод к мирным занятиям". Наконец, было решено принять участие в похоронах жертв расстрела, символически назначенных на 9 января".[99] Из примерно 8 тыс. участников митинга лишь 100 человек проголосовали против принятой резолюции.

Такие же многотысячные митинги проходили и на других заводах города. На них принимались резолюции, осуждавшие политику совнаркома. Рабочие требовали проведения перевыборов депутатов Петросовета и роспуска красной гвардии. На митингах большевикам не давали выступать: их стаскивали с трибуны. Весной 1918 г. они уже не смели показать носа ни на одном крупном предприятии. В эпицентре поднимавшейся волны антибольшевистского движения были рабочие той самой Петроградской стороны, которые в Феврале свергали царизм, а в дни Октябрьского переворота обеспечили приход к власти большевиков.

Но теперь у них не было собственных организаций - фабзавкомов и профсоюзов - наращивавших мощь в период от Февраля к Октябрю. Руководство указанных организациями узурпировали большевики, путем кооптации беспрестанно насаждая тех, кто так или иначе соглашался проводить большевистскую политику и, наоборот, изгоняя тех, кто открыто возражал против нее. В результате манипуляций большевиков рабочее движение лишилось привычных форм организованности. Но революционные годы не пропали даром. Рабочие немедленно приступили к созданию новых собственных организаций, чтобы отстаивать свои интересы в борьбе с обладавшими властью большевиками.

18 января 1918 г. вновь состоялось Заседание уполномоченных фабрик и заводов, провозгласивших создание под своим знаменем Союза защиты Учредительного собрания. В принятой резолюции опять прозвучали требования митинговавших после 5-го января петроградских рабочих. В качестве же ближайшей задачи ставилось создание "такой

[99] Чураков Д. Революция, государство, рабочий протест ... С.

межпартийной организации, которая объединяла бы как партии, так и разные демократические организации, и ту огромную массу беспартийного элемента, который стоит на платформе защиты Учредительного собрания".[100]

20 января открылась представительная Рабочая конференция и по продовольственному вопросу. "Докладчик от Продовольственного совета В. Г. Громан, - пишет Д. Чураков, - в своем выступлении сосредоточился на голоде, грозившем промышленным центрам страны. "В Москве паек 1/8 фунта в день. Во Владимирской губернии - до 2 фунтов в месяц. Рабочие падают у станков. В Петрограде 1/4 фунта в день", - отмечал он. Конференция обвинила большевиков в развале продовольственного дела и призвала рабочих находить выход из положения самостоятельно".[101]

Отмеченные конференции послужили прологом рождения Чрезвычайных собраний уполномоченных от фабрик и заводов (ЧСУФЗ), фактически возрождавших советы фабрично-заводских комитетов, альтернативных советам фабрично-заводских комитетов, признанным большевиками. В отличие от прошлого, когда фабрично-заводские комитеты возникали снизу и лишь позднее возникали территориальные советы фабзавкомов, теперь потенциальная организация подлинных рабочих фабзавкомов начиналась с зарождения сверху, с организации советов уполномоченных фабрик и заводов.

На первом заседании уполномоченных 13 марта 1918 г. присутствовали представители Путиловского завода, Семянниковского, Обуховского, Трубочного, Балтийского, Александровского механического, Пороховых, Сименс и Гальске, Вестингауз, Паровозных мастерских Николаевской железной дороги, Вагонных мастерских (за Московской заставой), Вагонно-строительных мастерских Николаевской железной дороги, Паровозных мастерских (за Нарвской заставой), Вагонных мастерских Северо-западной железной дороги, фабрик Паля, Максвелла, Пылинина, Бликгена и Робинсона, Электрической станции, типографий: Голике, "Копейка", "Слово", Первой Государственной, Шестой Государственной. Из участников первого заседания 35 были меньшевиками, 33 эсерами, 1 народным социалистом и 45 беспартийными. Основными требованиями резолюции Собрания были отказ от Брестского мира, отставка Совета народных комиссаров, немедленный созыв Учредительного собрания с передачей ему всей полноты власти.[102]

[100] Цит. по: там же С. 120.
[101] Там же. С. 121.
[102] См. там же. С. 128, 132.

Весной 1918 г. рабочий Петроград вышел из под контроля большевиков. В то время когда враг стоял у ворот, они, чтобы избавиться от враждебно настроенных рабочих, объявили о демобилизации промышленности и эвакуации предприятий, где было сосредоточено 70% военного промышленного потенциала страны. Тот факт, что Питер, откуда тайно 10-11 марта переехало правительство в Москву, не стал лакомой добычей немецкой военщины и белогвардейцев, историческая заслуга принадлежит петроградским рабочим, делавшим все от них зависящее, чтобы отстоять город и предотвратить страну от угрозы реставрации монархии.

Между тем большевики наращивали меры с целью усмирения рабочих. 16 марта 1918 г. были силой разоружены участвовавшие в революции полки: лейб-гвардии Преображенский, Московский и Измайловский. В городе непрерывно проводились превентивные аресты руководителей рабочих. В мае начались аресты среди матросов поддержавшей обуховцев флотилии минных заградителей, создавшей непосредственную угрозу Смольному. Наконец 27 июня 1918 г. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда было объявлено властями контрреволюционной организацией и распущено. Согласно оценке А. П. Ненарокова и Д. Б. Павлова собрание представляло две трети рабочих Петрограда, не говоря уже о сочувствующих среди широких слоев населения, включая не представленных на Чрезвычайном собрании рабочих.[103]

Некоторые исследователи наивно полагают, что если протестующие рабочие не подняли в Петрограде восстания против большевиков, то это является показателем недостаточной остроты противоречий между ними, порождавшей взаимные компромиссы. Но при этом забывают, что для этого у них не было возможностей. Опираясь на красную гвардию и отряды ЧК, большевики безнаказанно арестовывали руководителей, а там, где встречали сопротивление, решительно применяли оружие, включая пулеметы, тогда как у питерских рабочих своих вооруженных отрядов уже не было. Время, когда они имели в своем распоряжении красную гвардию и поддерживавших их солдат, весной 1918 г. окончательно уже стало достоянием безвозвратно ушедшего прошлого.

Петроград был не просто сколком рабочего движения России. По его примеру движение уполномоченных возникло в Нижнем Новгороде, Москве и других промышленных городах России. Здесь не только апробировались методы пролетарской борьбы против большевизма,

[103] Ненароков А. П., Павлов Д. Б. движение рабочих уполномоченных 1918-1921 гг. С. 295.

которые перенимали рабочие других городов, но и предпринимались попытки их объединения с этой целью во всероссийском масштабе. Достаточно вспомнить хотя бы инициативу питерских рабочих по проведению Всероссийского рабочего съезда. Как и в годы трех революций они оставались лидерами рабочего движения, теперь уже выступавшего против политики военного коммунизма.

Вместе с тем именно в Петрограде впервые апробировались и методы подавления их протестных выступлений, включая, не только расстрелы и аресты, но и подтасовки выборов, роспуск их организаций, облыжно обвиненных в контрреволюции и т. д. Когда весной 1918 г. проводились выборы в советы рабочих депутатов, то во многих промышленных городах Туле, Сормове, Ярославле и других большевики утратили над ними контроль. Тогда по инициативе Петрограда их стали объединять с советами, назначавшимися политотделами Красной Армии, что, естественно, обеспечивало перевес большевикам. Там же где этого оказывалось недостаточно, власть переходила к ревкомам.

Особое место в движении фабрично-заводских рабочих занимает северо-западный промышленный регион ("бабья сторона"), где рабочие фабрик и заводов, как правило, имели наделы в деревне, за счет которых кормились их семьи. Направлявшиеся сюда весной 1918 г. продотряды так называемых летучих подразделений красногвардейцев подчистую выметали хлеб, занимались арестами поборами и грабежами, не считаясь с местными большевистскими советами, вынужденными так или иначе учитывать настроение масс. Голод усилился, что не могло не вызвать всенародного возмущения как в городе, так и в деревне. Именно эти районы становились ареной первых массовых антибольшевистских восстаний 1918, инициаторами которых были фабрично-заводские рабочие и деревенская беднота.

Эти же районы превращались в эпицентры притяжения всех антибольшевистских сил. Неслучайно, именно здесь готовила восстания группа Савинкова, хотя, казалось бы, по своим политическим убеждениям ее родной стихией должно было бы стать Черноземье, где во главе советов ряда губернских городов стояли правые эсеры. Сюда же устремлялись и белогвардейцы, втайне рассчитывавшие с помощью Антанты (в марте 1918 г. английские, американские и французские войска захватили Мурманск, в августе 1918 г. английские войска - Архангельск) восстановить дореволюционные порядки.

Таким образом, промышленные районы северо-запада превращались в основные очаги антибольшевистских восстаний. Лозунгами их зачинателей - рабочих фабрик и заводов - были "власть советам без партии", подразумевая советы без большевиков, созыв Учредительного

собрания, проведение всеобщих, равных, и тайных выборов, введение свободы торговли. Однако по мере того, как белогвардейская военщина захватывала власть и переходила к массовым расправам над рабочими и крестьянами, по мер того, как нарастала угроза прихода к власти ненавистного дворянства, рабочие и крестьяне переходили на сторону большевиков, поддерживая Красную Армию, уничтожавшую белогвардейцев.

Совершив восстание, рабочие стихийно, как это когда-то делала коммуна, о которой они ничего не ведали, пытались управлять производством, сокращать рабочий день, вводить одинаковую плату для рабочих и служащих и т. д. Но нельзя в одну и ту же реку вступить дважды. Во времена Парижской коммуны противоречия между рабочими и наемным управленческим персоналом еще оставались неразвитыми. Теперь же они приняли характер открытого противостояния. К тому же, в век скорострельного оружия: винтовок, пулеметов, артиллерии для руководства, созданных рабочими и крестьянами вооруженных подразделений, требовались профессиональные военные, способные бороться против большевиков. А таковыми могли быть только белогвардейцы, втайне мечтавшие отомстить "неразумным хазарам" и восстановить монархию.

В условиях гражданской войны, руководя подразделениями восставших, они обретали власть, которую использовали для террора против рабочих и крестьян. Дорвавшись до власти, они устраивали массовые расстрелы рабочих и крестьян, проводили их бессудные аресты, реквизировали ценности, продовольствие и одежду. Единственной защитой от их бесчинств была Красная Армия, которой те же рабочие и крестьяне, восставшие против большевиков, в итоге оказывали всемерную поддержку.

Политические выступления и вооруженные восстания рабочих фабрик и заводов против большевиков не прекращались на всем протяжении гражданской войны. И опять-таки примером для подражания был Петроград, на долю которого, по данным Истпрофа в 1919 г. приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков. [104] Как говорил Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г. "самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода".[105] Так, 10 марта 1919 г. путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой резко осуждалась диктатура ЦК РКП(б) и

---

[104] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 14.
[105] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 147.

"выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным советам, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.".[106] Путиловцев поддержали рабочие других предприятий города. Чтобы их усмирить на территорию фабрик и заводов вводились подразделения чекистов и курсантов, сформированных из латышей и китайцев, которые производили расстрелы и массовые аресты. Счет арестованных шел на сотни. Подавляя выступления рабочих масс, большевики прежде всего использовали аппарат насилия, не имевший непосредственных связей с местным населением. Поэтому ряды чекистов пополнялись преимущественно за счет тех, кто проживал в местах, удаленных от места службы, и лиц нерусских национальностей.

Но расстрелы и аресты были не в состоянии погасить накал политических страстей питерских рабочих. "Только в протоколе совещания представителей районных троек от 14 июля 1919 г. описываются забастовки на 35 предприятиях города, происходившие с 10 по 14 июля, в том числе на Путиловском, Балтийском, Трубочном, Обуховском заводах. Рабочие требовали хлеба, свободы торговли, прекращения гражданской войны".[107]

Не прекращались антибольшевистские взрывы протеста рабочих и в районах сосредоточения фабрик и заводов Северо-запада. Зачастую они носили стихийный характер. Их подоплека оставалось неизменной - недовольство продразверсткой и отсутствием демократических свобод. В этом отношении весьма типичны события в поселке Богородское Павловского уезда Нижегородской губернии, где весной 1919 г. большинство в местном совете получили меньшевики. "Игнорируя результаты выборов, - пишет Д. Б. Павлов, - совдеп старого, большевистского состава продолжал функционировать и вскоре рядом административных мер одержал полную победу над местным базаром, лишив рабочих покупать продукты. 24 мая в поселке произошел голодный бунт, несколько коммунистов были растерзаны толпой... Чтобы прекратить кровопролития, власть взял новый меньшевистский Совет, которому удалось успокоить рабочих и таким образом спасти от гибели остальных коммунистов. Несмотря на это, присланным в поселок карательным отрядом все они были арестованы с тем, чтобы в декабре

[106] Там же. С. 148.
[107] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 87.

1919 г. предстать перед судом ревтрибунала по обвинению в "контрреволюционном выступлении".[108]

Большой общественный резонанс получила всеобщая политическая стачка рабочих Твери в середине июня 1919 г. В ней участвовало около 10 тыс. рабочих, из которых свыше половины были женщины. Поводом для нее послужило уменьшение продовольственного пайка и 10% мобилизация в Красную Армию, объявленная профессиональными союзами. Под предлогом последней большевики избавлялись от враждебно настроенных, наиболее активных рабочих.

Среди требований, выдвинутых избранного рабочими города делегатского собрания были "разрешение провоза 1,5 пуда на человека организованным путем по примеру петроградских и московских рабочих. Этим провозом могут пользоваться и члены семьи, находящиеся в ближайших деревнях"; "Диктатуры партии быть не должно именно потому, что многие нежелательные для рабочих лица занимают должностные места, чем и искажают мнение рабочих, требуем переизбирать советы при всеобщем голосовании"; "10% мобилизацию объявленную профессиональными союзами отменить". Примечательно и то, что "когда поступило внеочередное заявление, чтобы допустить делегатов от петроградских солдат (эвакуированных из Петрограда за их неблагонадежность) на делегатское собрание, оно было принято единогласно".[109] Естественно, и здесь не обошлось без отряда ЧК из Москвы, производившего массовые аресты.

Антибольшевистские настроения рабочих в фабричных и заводских поселках Северо-запада были настолько опасны для большевиков, что постановлением ВЦИК и Совета труда и обороны (СТО) от 12 мая 1920 г. под предлогом войны с далекой Польшей и еще более далеким Врангелем в ряде губерний Иваново-Вознесенской, Тульской, Саратовской и т. д. было введено военное положение. Постановление предусматривало также проведение 10% мобилизации членов профсоюзов с тем, чтобы избавиться от смутьянов на фабриках и заводах. Однако протесты рабочих были настолько велики, что мобилизация оказалась сорванной.

Об обстановке сложившейся в 1920 г. свидетельствует, в частности, Циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. "О борьбе с антисоветскими партиями". В циркуляре подчеркивалось, что "Изнуренный и малосознательный рабочий и крестьянин, не дождавшись скорого улучшения своего материального положения, начинает выказывать свое

[108] Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 - середина 1950-х годов. М., 1999. С. 29-30.
[109] См. Трудовые конфликты в советской России... С. 270-271.

недовольство, выражая его в забастовках и восстаниях".[110] Разумеется, забастовки и восстания рабочих начались не в 1920 г. Циркуляр, по-видимому, фиксировал лишь факт их территориального расширения. Только по официальным данным за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

Статистические ряды, которыми мы располагаем, до сих пор не фиксируют антибольшевистские выступления рабочих: их забастовки и восстания. Они ограничиваются регистрацией лишь пресловутых коллективных конфликтов, под которыми понимаются *незабастовочные* столкновения рабочих и профсоюзных организаций с администрацией предприятий. Их утряска была призвана ослабить накал антибольшевистских страстей на фабриках и заводах.

Хотя профсоюзы строились по производственному принципу, они не были в состоянии преодолеть цеховую разобщенность рабочих, трудившихся по ячейкам со своими особыми условиями труда. Обусловленная отсталостью фабрично-заводского производства цеховая разобщенность продолжала сохраняться, определяя сложную структуру производственных профсоюзов, существовавшую на фабриках и заводах. Вот как, частности описывает ее С. Г. Струмилин, в работе 1921 года. "Все профессиональные группировки согласованы, поскольку это оказалось возможным с рамками производственных союзов. Но так, что каждая профессия, фактически встречающаяся во многих союзах, в классификации встречается только один раз в той группе профессии, с которой она связана наиболее близким родством происхождения, наиболее тесными производственными узами. Поэтому, если мы встречаемся здесь с такими рубриками, как "прочие металлисты", "прочие деревообделочники" и т. п., то не надо забывать, что в "прочие металлисты" ни в коем случае не подлежат включению занятые в обработке металла деревообделочники, и, наоборот, "прочие деревообделочники" не включают в себя ни одного механика, слесаря или иного металлиста".[111]

Единственно объединяющим началом рабочих фабрик и заводов по-прежнему оставались фабкомы, превращенные теперь в низовые органы большевизированных профсоюзов. Поэтому, как только начинались совместные антибольшевистские выступления рабочих коллективов хотя бы нескольких промышленных предприятий, как феникс из пепла, вновь возрождались советы уполномоченных, предъявлявшие свои требования властям. Так было на протяжении всех лет гражданской войны.

[110] Цит. по: там же. С. 151.
[111] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 30.

Стоило ей окончиться, как страна буквально взорвалась политическими выступлениями и восстаниями против режима военного коммунизма. Их застрельщиками были рабочие фабрик и заводов. Известное Кронштадтское восстание в значительной мере было инициировано также рабочими, с которыми матросы не только постоянно общались в Кронштадте и Питере, но и имели жен-фабричных работниц.

Рабочие требовали созыва Учредительного собрания, изгнания из советов коммунистов, свободы торговли, отмены привилегированных пайков партхозактива и т. д. Таким образом, на протяжении всех лет советской власти требования рабочих оставались неизменными. Они отвечали их коренным интересам, а отнюдь не были следствием чуждых фабрично-заводским рабочим "контрреволюционных происков" меньшевиков и эсеров, как это до сих пор доказывают многие исследователи, следуя традициям большевистской историографии.

Требования фабрично-заводских рабочих совпадали с требованиями измученных продразверсткой крестьян, свидетельствуя об их общенациональном характере. Крестьяне поднимали восстания в Тамбовской, Саратовской, Самарской и других губерниях европейской России, уничтожая с присущей им в таких случаях крестьянской жестокостью большевиков и их приспешников. Но как и все крестьянские восстания, они были так или иначе разрозненны. Их участники тяготели к своим деревням и волостям. Это давало возможность большевистским карательным отрядам поочередно подавлять очаги восстания, используя, помимо пушек и пулеметов, огнеметы и отравляющие газы.

Но в городах и промышленных поселках использовать огнеметы и отравляющие газы для подавления антибольшевистских выступлений рабочих, которым сочувствовали широкие круги населения, было невозможно. Единственной силой, на которую здесь опирались большевики, были чекистские отряды, производившие расстрелы и массовые аресты. Однако антибольшевистские выступления здесь были настолько единодушны, что власти вынуждены были пойти на попятную. После подавления выступлений петроградских рабочих им "срочно выдали по 4 фунта мяса и предметы первой необходимости, ассигновали приблизительно по 50 рублей золотом на рабочего (что составляло стоимость более пуда муки) для закупки товаров за границей, сняли заградительные отряды, созвали совещание представителей заводов и фабрик и фактически предоставили свободу слова на собраниях".[112] Эти новые отношения получили окончательное оформление в решениях X

[112] Павлюченков С. А. Военный коммунизм... С. 157.

съезда РКП(б), провозгласившего отказ от продразверстки и переходе к продналогу.

Отказ от коммунистической продразверстки, сопровождавшийся переходом к продналогу, в корне менял производственные отношения между городом и деревней, сложившиеся в эпоху гражданской войны. Измывавшиеся подчистую “излишки” на деле были создававшейся в деревне прибавочной стоимостью, необходимой помимо прочего для ее собственного расширенного воспроизводства. Из этой стоимости лишь толика доставалась сельской бедноте и городским рабочим. Ее натуральное распределение в пайковом виде и связанное с ним внеэкономическое принуждение гарантировало в промышленности существование отработок, подменявших свободный найм. Но это было возможным лишь потому, что в эпоху, когда город уже давно определял развитие деревни, посредством внеэкономических мер, милитаризировавших труд, обеспечивался примат последней в производстве прибавочной стоимости в городах, способствовавшей падению производства на фабриках и заводах. Как сказали бы китайские коммунисты “деревня окружала город”.

То, что большевики называли непосредственным переходом к коммунизму, на деле было ретроградной попыткой утвердить в отсталой крестьянской стране главенство деревни над городом. Причем в качестве ее неосознанного обоснования с позиций марксизма доказывалась преувеличенная степень капиталистического разложения деревни, как это делал Ленин в своей известной работе “Развитие капитализма в России”, сводивший ее проблемы к существованию пережитков средневековья.

Ленин так и не понял, что, начиная с последней четверти XIX века в странах с развитой рыночной экономикой, возникшей на базе умиравшего капитализма, уже начался *эволюционный* переход к социализму. Об этом возвестил рост акционерных компаний повсеместно контролируемых владельцами индивидуального капитала, уже облачившегося в виде акций в общественную форму. Рождавшиеся новые общественные формы, таким образом, опережали их эволюционирующее содержание, или, говоря иначе, мутация общественного организма еще не приобрела законченный вид.[113]

Не понял Ленин и того, что возникшая на почве территориального раздела мира борьба за его передел была, в сущности, повивальными судорогами глобально рождавшегося социалистического рынка, сопровождавшаяся становлением социалистических отношений на одном полюсе - в развитых странах, и ростом отработок на базе акционерного капитала на другом - в отсталых странах с еще повсеместно сохранявшимися натуральными отношениями. Стремительно укоренявшиеся здесь отработки были, в сущности, первичной формой рождавшихся здесь социалистических отношений подобно тому, как на заре становления мирового капиталистического рынка происходил взлет рабовладельческих по форме, но уже капиталистических по содержанию отношений.

[113] Подробнее см.: Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М., 2003

Абстрагируясь от существования мирового рынка, рассматривая социальные процессы России исключительно изнутри, вне связи с акционерным капиталом, Ленин неизбежно приходил к выводу, что главным в России является аграрный вопрос, что отработки являются преимущественно пережитками средневековья, обусловленными существованием помещичьего землевладения. Предпринятая им попытка уничтожить последние, следуя марксовой схеме, была обречена на неизбежный провал. “Непосредственный переход к коммунизму” на базе натурального обмена между городом и деревней неотвратимо порождал в еще более широком масштабе эти же отработки уже на базе всероссийской единой фабрики.

В европейской России с ее уже сложившимся неразвитым внутренним рынком подобные отношения могли существовать лишь в обстановке, обусловленной войной. С ее окончанием восстановление рыночных отношений в условиях существования всероссийской единой фабрики стало неизбежным, что и нашло отражение в нэпе. Продразверстку сменил продналог.

В обстановке нэпа пайковое натуральное распределение стало невозможным. В результате военно-коммунистические отношения превратились в свою противоположность. В условиях рынка уже не деревня, а город стал формационнообразующим началом. На месте отработок в промышленности возник найм с присущей ему куплей-продажей рабочей силы, возврата к которому с такой настойчивостью и последовательностью добивались городские рабочие. Тем самым, освободившись от навязанных большевиками аграрных пут, городской рабочий, работая по найму, вновь превратился в непосредственного производителя прибавочной стоимости, которую полностью присваивал управленческий персонал.

Как известно, отношения найма органически включают торг между продавцом и покупателем рабочей силы. Поэтому большевики, скрипя сердцем, были вынуждены легализировать в профсоюзах и фабзавкомах выдвижение и обсуждение требований рабочих по вопросам заработной платы, условий труда и быта. 5-ая Всероссийская конференция профессиональных союзов в конце 1920 г. провозгласила выборность

руководящих органов профсоюзов взамен кооптации и назначения, регулярность проведения не созывавшихся ранее общих собраний и периодическую отчетность избранных руководителей

Эти изменения были подтверждены и решениями X съезда РКП(б), указавшего, что огосударствление профсоюзов было "крупной политической ошибкой". В его резолюциях отмечалось, что при сохранении за большевиками политического руководства профсоюзы должны стать организациями, "в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п." Одновременно указывалось, что "методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должны быть, в первую очередь и шире всего, восстановлены в профессиональном движении".[114]

Следствием торгов по вопросам оплаты и условий труда была и легализация права наемных рабочих на забастовки, в ходе которых они могли коллективно отстаивать свои требования, противопоставляя их притязаниям руководства подразделений единой всероссийской фабрики. С множеством оговорок и осуждений в адрес "отсталых рабочих" это право было записано в решениях XI съезда РКП(б), в которых указывалось: "ни компартия, ни совласть, ни профсоюзы никоим образом не могут забывать и не должны скрывать от рабочих и трудящихся масс того, что применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс - с другой". И далее: Единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улаживания конфликтов и трений между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профсоюзов, которые в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно сформулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям".[115]

Примечательно, что Ленин намного точнее формулировал противоположность интересов рабочих и руководителей предприятий. "В

[114] ВКП(б) в резолюциях и решениях... С. 381.
[115] Там же. С. 428.

связи с настоятельнейшей необходимостью, - писал, в частности, он, - повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия" неминуемо возникает "известная противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому и по отношению к госпредприятиям на профсоюзы, безусловно, ложится обязанность защиты классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей".[116]

От перехода к продналогу в наибольшей мере проиграла деревенская беднота. Она оказалась не удел. Ее услуги в сборе "излишков" стали не нужны. Жить за счет имущих хозяйств, уплачивавших натуральный налог и торговавших на рынке, уже стало невозможно. К тому же в обстановке погони за безубыточностью и прибылью их коммуны и артели быстро приходили в упадок. "Создавшиеся в связи новой экономической политикой экономические, правовые и гражданские отношения, - писал видный партийный деятель того времени Я. Яковлев, - установив сочувственное отношение к советской власти средних слоев крестьянства, в то же время отняли у маломощных возможность подъема хозяйства за счет зажиточных (не только зажиточных, но и середняцких - Ю. И.) элементов, которая толкала их к поддержке советской власти в минувший период".[117] В 1921 г. было 3120 коммун, в 1923 г. их осталось 1672, соответствующие показатели для производственных артелей составили 10185 и 8130, для товариществ по совместной обработке земли - 2514 и 1605.[118]

В неспособности артелей и коммун стать основой сельскохозяйственного производства в конце концов убедился и Ленин. Выступая в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов, он заявил: "Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не

[116] Ленин В. И. Проект тезисов о роли задачах профсоюзов Т. 44. С. 343.
[117] Яковлев Я. К вопросу о работе РКП в деревне (материалы к съезду партии) //Правда 5 апреля 1923.
[118] Айхенвальд А. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.-Л., 1928. С. 164.

приходится".[119] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств "только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров".[120]

В условиях нэпа, когда основой производственных отношений в промышленности и крупном сельском хозяйстве стал найм, единственным уделом включения в активную экономическую жизнь сельского бедняка было его превращение в постоянного наемного рабочего. В противном случае ему приходилось прозябать в деревне, едва сводя концы с концами за счет обработки своего крохотного надела и случайных приработков на стороне. А так как в разоренной гражданской войной стране возможности постоянного труда по найму были крайне ограничены, то основная масса пауперизированной деревенской бедноты продолжала оставаться в деревне, мечтая о новом раскулачивании старательного крестьянина.

Еще в годы военного коммунизма Ленин не закрывал глаза на низкий рейтинг большевиков у рабочих фабрик и заводов, на то, что рейтинг меньшевиков и эсеров среди них неизмеримо выше. Поэтому борьба против них была поставлена в главу угла политики большевистской партии. Указанный курс еще более ужесточился в связи с переходом к нэпу, породившему рынок наемного труда. Сохранившиеся некоммунистические партии, требовавшие демократических свобод (партии меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.) в условиях порожденного нэпом рынка представляли намного большую угрозу всевластию коммунистов, чем белогвардейцы в годы гражданской войны. Весной 1922 г. XI съезд РКП(б) провозгласил российскую коммунистическую партию единственно легальной политической партией в стране.[121] В связи с этим по инициативе Ленина репрессировались представители духовенства, не мирившиеся с насилием большевиков, по инсценированным обвинениям (политбюро 6 мая 1920 г. узаконило инсценированные суды); производились массовые аресты членов партии меньшевиков и эсеров; принудительной высылке из

[119] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК "О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства" на фракции РКП(б) VIII съезда советов 24 декабря Т. 42. С. 180-181.

[120] Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.

[121] ВКП(б) в резолюциях... Ч. 1. С.438.

страны подверглись видные представители интеллигенции, а также студенты, добивавшиеся элементарных демократических свобод.[122]

По его же инициативе делались первые шаги по усилению влияния большевиков среди фабрично-заводских рабочих. Если в годы военного коммунизма, когда господствующими были отработки, партия в своей политике стремилась использовать в своих интересах не рабочих, а массы сельской бедноты (вспомним, с какой настойчивостью большевики изгоняли фабрично-заводских рабочих в деревню и армию, в рядах которой преобладали пауперизированные крестьяне), то теперь Ленин предпринимает попытки использовать прежде всего наемных рабочих фабрик и заводов. Их число по мере восстановления и перестройки промышленности на современных началах неизбежно должно было возрастать.

В этой связи весьма примечательны две записки Ленина Молотову "Об условиях приема новых членов в партию", где он отмечает ее "непролетарский состав" и предлагает, "чтобы не обманывать себя и других, определить понятие "рабочий" таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую идеологию. А это невозможно, - указывал он, - без многих лет пребывания на фабрике (Ленин считал не менее 10 лет - Ю. И.) без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта".[123]

В конце жизни представления Ленина о путях развития российской революции претерпели глубокие изменения. Предложенная им модель экономического развития в общих чертах, в неразвитом виде совпадает с экономической моделью коммунистического Китая эпохи начала перехода к рыночным реформам,[124] когда земля и вся крупная промышленность оставались в собственности государства, а индивидуальные крестьянские хозяйства с учетом национальной специфики, так или иначе, кооперировались при сохранении своей хозяйственной самостоятельности. При этом осуществлялось и до сих пор продолжает осуществляться широкое привлечение иностранного капитала, к чему в России безуспешно призывал Ленин. В качестве же политической предпосылки существования экономической системы с

[122] См: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 163. Д. 62. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 290. Л. 30.

[123] Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию. Письма Молотову. Т. 45. С.17-21.

[124] Подробнее см.: Иванов Ю. М. Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленина) М., 2002..

отмеченными чертами здесь сохранялся однопартийный коммунистический режим, на необходимость которого указывал Ленин.

С точки зрения развития рынка европейская Россия намного опережала аграрные в целом страны Востока. Попытки, следуя изжившим марксистским схемам, осуществить натуральный обмен между городом и деревней здесь неизбежно должны были закончиться крахом. Полудеклассированная деревенская беднота так или иначе втянутая в рыночные отношения не могла стать надежной массовой опорой большевиков, в своих экономических построениях опиравшихся на отработки. Однако в отличие от Европы ее громадное численное преобладание в населении России, безысходность ее судьбы в условиях замедленного развития экономики неизбежно должны были сказаться на исторических судьбах страны.